

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

ироническая проза

ЛЕВ ГУРЫЧ
СИНИЧКИН

18+

Сергей Бурдий

Л.Г.Синичкин. Морские рассказы

«Автор»

2026

Бурдий С. А.

Л.Г.Синичкин. Морские рассказы / С. А. Бурдий — «Автор»,
2026

Если вам интересно, как проводят свободное от работы время суровые мужчины, которых принято называть «морскими волками», эта книга для вас! Если вам интересно вспомнить время стационарных телефонов, винила и бобинных магнитофонов, эта книга точно для вас! Л. Г.

Синичкин – морской геофизик по профессии, отец трёх дочерей, дедушка шестерых внуков. Его рассказы – иронический взгляд на суровые будни и немногочисленные радости моряков. Это первое печатное издание произведений автора. Вниманию: возрастное ограничение 18+

© Бурдий С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Раннее (2007 -2012 гг.)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Бурдий

Л.Г.Синичкин. Морские рассказы

Глава 1. Раннее (2007 -2012 гг.)

ОСТРОВ

Только-только вернулись с самых дальних северов, ещё не добрался ни до рюмахи, ни до девахи, вызывает меня Главный.

– Как вы достали... – говорит и сесть, что интересно, не предлагает.

– Пришла бумага чуть ли не с Северного полюса: пьянство, разврат и дебош. Где вы всё это находите и когда успеваете...

Я глаза в потолок:

– Экселенц, позвольте объясниться, все ложь и клевета.

– А зачем... И вот что интересно: набираем на работу выпускников престижнейших вузов, даже из МГУ с красным дипломом, а работают одни раздолбай.

– ...?

– Решили мы Вас (то есть меня?) направить с повышением на новый пароход, но такими темпами Вы (то есть я!) до него можете и не добраться. Поэтому, пока у Вас не отобрали загранпаспорт, в ближайшие же дни отправляйтесь попутным банановозом на юг в радиогеодезию. Погрееетесь там пару месяцев на солнышке, раз на Вас так плохо влияют наши северные широты, а заодно и дождётесь там нового парохода.

Вышел я, прикинул одно к другому: с одной стороны, обидно, опять разговоры всякие по конторе пойдут, да и менты – суки, столько бабок им отвалил, а они бумагу все же прислали, а с другой стороны, вроде и обошлось всё, попарюсь пару месяцев на экваторе, зато валюты подзаработаю. Короче, причин для уныния нету. И через три дня на попутном белом пароходе убыл в известном направлении.

Банановоз? Это огромный белый пароход-рефрижератор, перевозящий из тропических стран (правильно!) бананы, кокосы и прочие тропические фрукты-овощи. Иногда туда ещё догружали и водочку тропического разлива, в народе известную как «Ля мойка». А возили всё это в счет оплаты наших работ по поиску и разведке нефти и газа на тропических шельфах Юго-Восточной Азии. И поэтому весь наш Дальний Восток от Находки до Чукотки был завален всевозможными тропическими изысками, соседствующими в овощных магазинах с нашими гнилыми и перемерзшими картошкой и луком. Вот на таком банановозе и долетел я за пять дней до южных берегов.

Тормознули на рейде – перед глазами просто мультик. Две горы, между ними городишко, вдоль песчаного пляжа пальмы, а вокруг лодочки под разноцветными лоскутными парусами. И воздух горячий, влажный, густой.

К борту подрулила деревянная лохань с тремя аборигенами, в хаки, при погонах с кучей звёздочек. Наш боцман скоренько метнул туда мой кровный чемоданчик и, перекинув через леер штормтрап, отрезал мне путь к отступлению. Я покидал родину.

Должен заметить, что за границу я попал первый раз, к тому же такую экзотическую. Как водится, перед отъездом в парткоме и спецотделе застращали донельзя. Того нельзя, этого не можно, меньше трех не собираться, государственную тайну не выдавать, до женского полу ни рукой, ни чем другим. Только водку рекомендовали пить при всяком удобном случае для профилактики организма от всяких экзотических микробов.

Так что, весь на нервах, вглядывался я в приближающийся берег с лёгкой тревогой и, лишь увидев на причале мужика неместной наружности, с окладистой черной бородой,

немного успокоился. А куда без них, без евреев, русскому человеку. Изя быстро уладил все пограничные формальности, и на его Волге с аборигеном за рулем мы выехали в город.

Через пять минут у меня заложило уши. Водила давил что есть мочи на сигнал и пёр полным ходом по запруженной в броуновском движении пешеходами, велосипедистами и мотоциклистами дороге. А мой спутник, найдя во мне покорного слушателя, тархтел без умолку о местных новостях, обычаях, наших дальнейших планах и мелькающих за окном достопримечательностях. Ещё минут через пять я просто потерялся во времени и пространстве, а когда ко мне на заднее сиденье плюхнулись две местные особы женского полу вызывающей наружности, я просто впал в ступор.

Машина наконец вырвалась на простор и по серпантину через тропический лесок взобралась на одну из близлежащих гор, где и располагалась, как оказалось, одна из радиогеодезических станций.

В те времена спутниковая навигация типа джиписэ была ещё крайне слаба и давала точность привязки плюс-минус трамвайная остановка. Поэтому для точного определения местоположения исследовательских судов и морских буровых платформ по ближайшему берегу или островам размещали радиомаяки. Располагались они зачастую в дремучей глухомани и обслуживали их, как правило, один-два человека.

Вот на такую точку, расположенную почти в городе, на старом маяке, мы и прикатили. Кое-как выбравшись наконец из этой музыкальной шкатулки, я озирался по сторонам, сознание понемногу возвращалось в мою гудящую голову. Двор у подножья маяка был выложен бетонными плитами, по периметру располагались какие-то одноэтажные постройки довольно затрапезного вида, а посреди двора под раскидистым деревом двое наших мужиков хлопотали над мангалом с шашлыками.

Познакомились. Один был как раз штатным радиогеодезистом, а второй – навигатор с нашего парохода то ли с инспекцией, то ли просто попить-погулять. Сразу сели тут же, под деревом, за стол, накатили по паре рюмах водки местного разлива под шашлык и всякую зелень. Только я стал понемногу осваиваться в окружающей обстановке, по привычке к беспрерывной болтовне Изя – новая напасть. Мужики по законам гостеприимства решили вновь прибывшему уступить пальму первенства в выборе девахи или даже двух, если захочется. Девки, кстати, всё это время мирно дремали на заднем сиденье авто и только теперь выбрались наружу. Я снова напрягся, в голове начали всплывать страшилки из отъездного инструктажа о гонконгской розочке и прочих прелестях на конце, да и моя спортивная форма в настоящий момент была далека от оптимальной. Кое-как отбил от заманчивого предложения и принял с Изей, тоже, кстати, отказавшемся участвовать в эротических забавах, еще пару рюмах на грудь. А веселая парочка геодезистов и навигаторов растащила жриц любви по служебным помещениям.

Из дальнейшего разговора с Изей до меня наконец дошла информация, что дня через два вертолетом или катером, точно ещё не решено, меня забросят на остров километрах в двухстах от берега, где уже пару месяцев безвылазно парится наш мужичок в окружении местных товарщиц. За пару недель он введет меня в курс дела, а потом его заберут на отдых. А я останусь.

Тем временем на сексуальном фронте произошли перемены: мужики вышли принять по соточке, а затем вернулись к станкам, но уже сделав рокировку.

На острове мне в помощь будут прикомандированы трое аборигенов: переводчик, повар и охранник. В хозяйство моё будут входить, кроме непосредственно передатчика с мачтой-антенной, еще десяток аккумуляторов и пара-тройка бензо- и дизель-генераторов. Обязанности простые: подзаряжать аккумуляторы и по команде включать передатчик.

Тут как раз из сараюшки, со спущенными штанами и трехэтажным матом, выскочил геодезист, а следом что-то орущая девка. Мы всполошились: мало ли что бывает в порыве страсти, не дошло ли до членовредительства. Но все оказалась гораздо прозаичней. Пока он по

полной программе самозабвенно охаживал девицу, та вытащила у него из кармана валюту. На шум выглянула и вторая парочка и бурно включилась в обсуждение вопроса товарно-денежных отношений. Мужики выпроваживали девок прочь, те требовали достойной оплаты за свой нелёгкий труд, на что получали ответ, что, мол, спёртых денег даже больше, чем надо. Вся эта бадяга продолжалась минут десять. Потом разгорячённые мачо вернулись к нам за стол, и мы дружно всё допили, после чего собрались обратно в город.

Не проехали и сотни метров, как догнали бредущих вниз тружениц сферы обслуживания. Такими темпами им добираться вниз не меньше часа. И хоть в машине нас и так было пятеро, сжались, усадили себе на колени и довезли до города.

Наконец я добрался до гостиницы, принял душ и завалился на кровать. Прожитый день утомил, но ещё не кончился. Только потушил свет – по номеру какой-то шорох, неприятный на слух. Включил свет, осмотрелся: пусто. Только свет погас – опять что-то шебуршит. Зажигаю свет – опять никого. Уж не глюки ли? Лишь где-то с пятого раза успел все же засечь нарушителя тишины: огромный черный таракан под столом таскает полупустой спичечный коробок. Здоровый, зараза, нашим не чета. Мы потом, кстати, пытались развести себе таких на пароходе, чтоб они выжили местных, но южане то ли климата не выдержали, то ли наши прусаки победили. Короче, опыт не удался. Ну а у этого я коробок отнял, обследовал еще раз номер и обнаружил еще пару постояльцев на стене под гардиной. Геккончики, маленькие ящерицы с присосками на лапах, бегают по потолку и стенам за комарами, мухами и прочими насекомыми. Очень милые и полезные в доме животные, тоже, кстати, до наших берегов не доезжают. Закончив таким образом перепись населения нашего номера, я спокойно уснул.

Следующие два дня я провел в суматохе сборов предстоящей экспедиции: получал на складе продукты и прочее снабжение, отоваривал полученные талоны в специальном русском магазине, прикупал кое-что по личной просьбе островного сидельца, контролировал завоз всего этого и бензина на наше спасательное судно, на котором через два дня и вышел в море курсом на таинственный остров.

Якорная цепь с зубодробильным скрежетом продрала мой мозг от уха до уха. Проснулся. Башка раскалывалась. Спать в носовой каюте нашего спасателя-буксира – ещё тот экстрим. А тут ещё душающая жара: судовой кондишн периодически подвывал, но и только. Старый импотент, на большее он уже давно был не способен. В кране умывальника холодная вода была градусов под сорок. Не крепости, а по Цельсию. Да и какой ещё она может быть, если за бортом и воздух, и вода примерно такой же температуры. Пока полушария окончательно не развалились в разные стороны, надо было поскорее выбираться из этой железяки на палубу.

На корме суежилась толпа народу. Наши и аборигены с острова, размахивая руками, матерились на все лады. Бандерлоги в живописных труселях из когда-то разноцветных, но уже изрядно выцветших лоскутков, перегружали привезённое на точку снабжение на свою шаланду. Бочки с горючим просто побросали за борт, связывая их цугом одну за другой.

Не успел я толком оклематься на свежем воздухе после душной каюты, как какой-то местный шустрик зацепил мой красный, в лейблах чемодан и метнул его на баркас. Ёпт! Отбиваясь от услужливых аборигенов, пытавшихся и меня на раз-два перекинуть через борт, спустился на стрёмного вида плавсредство. И, как говорится, руби концы!

На живописном берегу (всё как на фото: и пальмы, и песок) меня встречал наш тамошний сиделец Паша. Здоровый мужик лет под сорок в рыжей шевелюре, баках и усах. Его улыбающаяся рожа почему-то напомнила мне Ноздрёва. Особенно когда в знак приветствия, что ли, он стукнул меня по плечу. А пока шли до нашего бунгало, ещё пару раз. Такое радушие что-то резко стало меня напрягать, и я даже подумывал, а не приложиться ли и мне своим суперкейсом промеж его бакенбард. Но мы уже пришли

В одноэтажном бараке-шалаше Паша занимал крайнюю к морю комнату в одно окно. В соседней ютилась обслуга: толмач, кондей и гоблин. Ещё несколько комнат занимали абори-

гены – сотрудники метеостанции а-ля профессор Беляев (тропический вариант), на территории которой всё и находилось.

Мебельный гарнитур, далеко не гамбсовской работы, заполнял собой всё небольшое пространство апартаментов: две деревянные кровати с сеткой от комаров, два стула и стол времён жилкоммунхоза и холодильник ЗиЛ, дверь которого держалась на верёвке и изоленте. Ещё на столе стояла рация. Радистка Кэт, к сожалению, из конспиративных, очевидно, соображений к рации не прилагалась. Ну да и я не Штирлиц.

Под впечатлением от всего увиденного рука автоматом потянулась к бутылке Арарата, которую предусмотрительно выдали на базе перед отъездом.

Коньяк под папайю с лимоном был очень неплох. Но Паша особого восторга не выказал, зато опять долбанул меня, теперь по колену. После второго стакана я немного освоился в окружающей обстановке и, получив ещё один удар по коленной чашечке, заметил наконец-то, что Паша долбит не только мою коленку. С немалым усердием он лупил и себя по плечам и коленям, стряхивая что-то с башки и сандалет.

Паша гонял чертей! Только сейчас я рассмотрел его шустрый взгляд и лёгкую ухмылку. Очевидно, игра в салочки с чертяками ему ещё не надоела, а напротив, вызывала неподдельный спортивный интерес.

С таким явлением в природе я встретился впервые. Впечатляет, конечно. Но ну его жить с такой компанией в одной комнате. Мало ли чем начнёт Паша мутузить своих корешей дальше. Прибьёт ночью в азарте и меня и не заметит.

Так что на ближайшем же радиосеансе я попросил вывезти бедолагу на Большую землю. И, кстати сказать, через неделю за Пашей прилетел вертолёт, ещё через неделю он уже был дома. А ещё через какое-то время врезал дуба.

Не знаю почему. Может, от ностальгии. По змеёвке.

Следующим утром, обозревая в раскрытое настежь окно окрестности (стёкол, кстати, не было вовсе, только деревянные ставни-жалюзи), прямо за подоконником я обнаружил здоровенную гору пустых аптечных пузырьков. Как оказалось, именно эту настойку местного разлива на морских змеях, водорослях и прочей гадости и потреблял Паша в огромных количествах (то-то армянский пятизвёздочный его не торкнул). Что характерно, аптека располагалась прямо перед окном, метрах в сорока через пустырь. Очевидно, Паша был её элитным клиентом и делал ей годовой оборот за месяц. Легко.

Между прочим, эта змеёвка за приятный вкус и запах (о медицинских свойствах умолчим) пользовалась большим спросом у наших дам в городе. Градусов в ней было немного, не больше 30. И с каждой оказией на материк передавалось энное количество пузырьков.

Кстати говоря, в этих азиатских аптеках буквально всё, что ни возьми, со слов продавцов, способствует стоянию и кончанию, повышает грудастость и лохматость. И если сразу не загнёшься, то, может, и выживешь. Но не факт.

Этому Паше не повезло. Но повезло другому, с которым познакомился на радиосвязи. Он сидел на островке миль за сто от нашего, на маяке, совсем близко от берега. И потреблял исключительно самогон из соседней деревни, лучше не знать из чего сделанный. Как только допьёт, поднимает на мачте белый флаг. А на условный сигнал тут же прибывает джонка-самогоновозка. Этому Паше повезло больше моего поделника. И на острове просидел на пару месяцев дольше, и дома по возвращении ему только отрезали одну ногу. Говорят, несколько скорпионов на маяке издохли почти сразу, укусив просамогоненного зрителя.

Вот таким макаром через неделю остался я на острове один. Не считая нескольких сотен аборигенов. И первым делом решил оптимизировать товарно-денежные отношения между мной и своими санчопансами. Дело в том, что спецу на точке полагалось наличными энное количество местных тугриков и энное же количество килограммов различных продуктов. И почти каждый русский человек в такой ситуации искал способ нагреть всех и вся и как можно

больше бабок поставить на карман. Положив при этом на своих, имеющих такие же интересы: переводчика, повара и охранника. Отсюда, естественно, расстроенная нервная система и плохое пищеварение в маленьком интернациональном трудовом коллективе.

Я чисто интуитивно пошёл другим путём. Всё бабло и продукты, за исключением, понятно, выпивки и конфет (раздавал детворе), отдал в полное и безотчётное распоряжение толмача. Сверху ещё приплюсовал бочку бензина. И закрыл вопрос, к обоюдному согласию.

И в то время как мои хитромудрые коллеги с остервенением жрали перловку с тушёнкой, я имел свежее мясо, рыбу, овощи и фрукты. И даже выпивку.

Жизнь началась размеренная и даже скучная. Ни кабаков тебе с танцами, ни борделей. Крестиком не вышиваю, лобзиком не пилю. Работы почти ноль. Остаётся только море-океан.

Там и проводил я по несколько часов в день, поставив добычу ракушек почти на промышленную основу. И я, чудака, по незнанию и просто разгильдяйству торчал в море без всякой страховки. А оказалось, что там было полно морских змей и мурен, с которыми я только по счастливой случайности не столкнулся. Да и раковины были всякие. Одна как-то хлопнула створками за ногу – и жопа. Глубина несколько метров, и нож забыл, чтоб ножку у неё подрезать. И ото дна её не оторвать. Повезло, что был в сандалиях, сумел расстегнуться.

Между прочим, эти ножки у раковин (5-7 см в диаметре) срезаешь, как грибы, шинкуешь дольками, заливаешь на несколько часов уксусно-горчичным маринадом и получаешь обалденную закуску.

В общем, первый месяц кое-как продержался. А потом фирма решила на имеющейся на острове горе разместить ещё одну точку. И приехали ещё два раздолбая, в том числе мой козырный друг Пит.

Примерно раз в месяц полагалась неделя отпуска. Но отдых в городе таковым, честно говоря, являлся мало. Во-первых, отсутствие друзей-товарищей. Иногда, правда, мы пересекались с Питом. Но ненадолго. Во-вторых, выбор развлечений был небогат: выпивка и проститутки.

Да и спиртное здесь оставляло желать лучшего. Пожалуй, кроме пива.

Как, впрочем, и проститутки. И хотя среди них попадались профессионалки со стажем, начинавшие ещё при колонизаторах, в целом мне они не очень.

Правда, здесь была ещё парочка русских *****ей, постепенно перешедших в проститутки за весьма умеренную плату. Но довольно узкий круг русской диаспоры и природная бабская болтливость делали эти визиты почти публичными. Естественно, что пользоваться их услугами могли только закоренелые холостяки, мало заботящиеся о своей репутации в глазах остальных дам или, наоборот, бравирующие ею.

Что же касается местных, то прибегать к их услугам приходилось только, так сказать, в силу большой медицинской необходимости. Вообще все эти юго-восточные барышни мне не очень. При таком жарком и влажном климате такая сухость и черствость. Чистая поп-механика.

Тут должен честно признаться, что опыта общения с отечественными проститутками у меня нет. Я вообще не понимаю, почему нормальный мужик идёт в бордель. Ладно за границей – при плохом знании языков, другом менталитете местных баб, ограниченности во времени и средствах. Но ведь теряется самый кайф обольщения и совращения, сладкого порока и попанного табу.

Девочек-проституток я понимаю. Нужны деньги на жизнь: родители в каком-нибудь Урюпинске, учёба, иногда свой киндер. И если посещение проститутки понимать как акт материальной помощи, то ладно ещё. Но какое может быть удовольствие, кроме голой физиологии, от этих вычурных поз и как будто томных вздохов задроченных жизнью баб, вынужденных строить из себя звёзд Болливуда за котлету с гарниром? По этой же причине не смотрю и всякое супер-пупер порно. Скучно.

И вообще: «Да ну его на...!» – говорил мой кореш дядя Вася в мумбайском притоне, натягивая сразу два презерватива – боевой и контрольный.

А вокруг столько баб!

С точки зрения мужика, по молодости хорошо пошухарившего от Чёрного моря до Охотского, всех этих страждущих дам (дам, не дам и дам, но не вам – старая шутка юмора) можно условно классифицировать следующим образом.

Самый доступный и беспроигрышный вариант – одинокая дама (подруги не в счёт) в ресторане, баре, клубе. Она сюда пришла конкретно за мужиком и поэтому особо выпендриваться не будет. Но, как я уже где-то писал, хамить не надо, ритуал должен быть соблюден. Из-за лимита времени встречает по одежке, провожает рано утром и без сожаления.

Второй вариант – коллеги по работе. С этими дамами вы целыми днями трётесь в замкнутом пространстве. Они буквально терроризируют вас своими бёдрами и при каждом удобном для них случае выкладывают свои роскошные бюсты вам на плечо. Вы знаете все сплетни о них, они – о вас. Дают редко, часто, всегда (нужное вам подчеркнуть).

Третий вариант – подруги жены. Особенно незамужние. Здесь только нужна удобная ситуация, импульс. Проблем в общении никаких. Она знает о вас всё вплоть до самых интимных подробностей – у жены язык без костей. Вы в курсе всех её недугов, неврозов, любовников – по той же причине. Вы все почти одна семья, и она вполне может сойти за наложницу из гарема. Правда, существует опасность, что однажды закадычные подруги рассорятся из-за какого-нибудь пустяка и в нервном расстройстве заложат вас с потрохами. Но тут ничего не поделаешь: бабы они на то и бабы.

Четвёртый вариант – жёны друзей или приятелей. Психологически самый трудный вариант. Самому здесь делать первый шаг, честно говоря, западло. А вот пойти навстречу – это как посмотреть. Стало женщине почему-то плохо, одиноко, страшно. А мужчины рядом нет: работа, отсидка, загул. И она выбирает вас. И звонит в дверь. И с гордо поднятой головой входит, небрежно бросая вам на руки плащ и снимая туфли. И, по большому счёту, выбора вам не оставляет. И вопрос здесь в другом – почему именно вы? То ли вид у вас такой – рыцаря без страха и упрёка. То ли это бабье сарафанное радио разнесло что-то такое по округе. И так же гордо примет плащ из ваших рук и уйдёт в ночь. Навсегда.

Вариант пятый и последний – встреча. Лифт, парикмахерская, магазин. И, может, уже не первая. И, может, вы уже даже слегка киваете друг другу при встрече. Это вариант самый трудный. Здесь надо сразу произвести хорошее впечатление. Потом надо много и остроумно говорить. Совершить какой-нибудь подвиг. И ещё много чего надо. И даже если она в принципе не против, нужно время и усилия с вашей стороны. И из этого может даже получиться что-то эдакое, непростое. А может, и нет. Но желающим получше ознакомиться с этим вариантом советую обратиться к другим креативам: «Анна Каренина» или «Дама с собачкой», например. Или что-нибудь из Александра Сергеевича – тот ещё спец по бабам – то Аня, то Зина. Но он, правда, плохо кончил. В общем, вот такая вот таблица Менделеева.

Как-то поутру решил прогуляться к соседям, обозреть окрестности с горных вершин. И чего не сделаешь назло геморрою!

Пока приходил в себя после восхождения, огляделся – ё-моё! На противоположной от моего бунгало стороне острова у самого берега стоит беленький пароход. Глянул я в бинокль: пароход-то наш, русский. Названия только не разглядеть.

Ну у нас на этот случай есть судовое радио. Выходим в эфир:

– Пароход, стоящий у острова! Вас вызывают русские сидельцы из радиогеодезии. Мы тут, на острове, на горе, киснем от скуки. Ответьте, пожалуйста.

А в ответ, как у классика, – тишина. Наверное, минут 15 вызывали. Пароходских понять можно. Какая ни есть, а заграница. Тем более компетентные органы застращали донельзя. К тому же и помполит на пароходе, да ещё и всякие негласные доброжелатели.

Короче, совещались они долго, но всё же решились. И, как козлята серому волку, тоненьким таким голоском:

– Пароход слушает.

– Да понятно, что слушаете, вы отвечайте, кто такие и чего тут стоите.

Они говорят, что, мол, мы от какой-то там академии околловсяческих наук, называемся что-то типа «Завлаб Шмуль Моисеевич Кацман», где-то тут рядом работали, ну и спрятались от непогоды.

Мы им:

– Чего так стоять-то насухую? Давайте слезайте на берег, покупаетесь, пообщаемся. А то у нас тут тоска зелёная.

Они, естественно, в отказ:

– Как можно, заграница, таможня, и то и сё.

Мы говорим:

– Это всё фигня. Сейчас заедем в сельсовет местный и обо всём договоримся.

Еле их уболтали. Смотрелись скоренько к властям военным и гражданским, отлили по канистре бензина в их студебекеры – и вопрос решён. Сообщили пароходским. Они таким же неуверенным голоском:

– Ладно, – говорят, – в 13:00 спустим мобот.

Единственное, что мы попросили, – хлеба нам привезти. В те дофастфудовские времена на пароходах сами хлеб пекли, не то что нынче: возят что-то вечное пластмассо-резиновое.

В общем, к назначенному сроку они на моботе к берегу, и мы с Питом на джипе на randevu. Высадилось их человек 20. Познакомились. Мы обрисовали обстановку: идите куда хотите, но смотреть здесь нечего. Только покупать можно всласть. А так никаких туристических примочек тут нет, потому как и туристов здесь не бывает, и народ местный к этому здесь не привычен.

Правда, детвора из соседней деревушки набежала, а так всё спокойно.

Пароходские стали понемногу осваиваться. Кто сразу купаться полез, кто по дороге в деревеньку подался. А к нам подходит деваха аппетитной наружности и говорит, что она есть пекарь и привезла, значит, нам хлебушка. Только не знала, белого нам или чёрного, поэтому взяла и того и другого.

Мы говорим:

– Барышня! Как вас звать-величать, кстати? Люба? Любаша, да из ваших белых ручек и сухари в радость! А за хлопоты ваши приглашаем к нам в гости. А если ещё и подружку какую прихватите – так и вообще прекрасно будет.

Позвала она подружку. То ли Лена, то ли Марина. То ли биолог, то ли геолог. Уже не помню. Маленькая такая, ладненькая.

– Пит, – говорю, – зная наши с тобой вкусы, думаю, не ошибусь, если выражу общее мнение, что я сегодня гуляю Любашу, а ты её учёную подружку.

– Базара нет, – отвечает Пит, подбирая под майку свою пивную животину.

Сели на авто и в пять минут до моего бунгало доскочили.

– Так как время у нас ограничено, – говорю, – предлагаю разделить строго пополам, чтобы охватить вниманием вновь прибывших всю территорию и удостоить посещением обе наши с Питом резиденции.

И Любашу под белы рученьки с джипа. Подружка вроде хотела что-то возразить (а может, мне показалось?), но Антилопа Гну уже уносила её за поворот.

А я с барышней меж тем продефилировал на глазах у высыпавшей во двор с выпученными глазами метеослужбы и своих оруженосцев в апартаменты.

Пока гостя озидала моё скромное жилище, я выставил из холодильника лимонад со льдом и фрукты. И выскочил на минутку напихать аборигенам, чтоб в течение ближайшего часа никаких шатаний под дверью и базарных разборок во дворе.

Любаша мирно потягивала из запотевшего стакана освежающий напиток.

Доложу я вам: это был как раз мой любимый размерчик. Субтильные Лолиты не по мне. А вот округлость и плавность форм приятно радует и глаз, и руку.

К Любаше у меня вопросов нет: всё на месте и в самом что ни на есть кондиционном виде. Только маечка и шортики слегка загораживают натюрморт.

– Любаня, – говорю, – предлагаю экскурсию с купанием отложить на вторую часть нашей программы, – и маечку с неё так культурно-бережно снимаю.

А она так по-простому мне:

– Что ли я Венера Милосская, у меня рук, что ли, нет.

И не успел я придумать что-либо достойное в ответ, как Любаша, озарив моё тусклое жилище своими шикарными рубенсовскими формами, впорхнула под балдахин моей кровати. Я следом. Еле успел.

Таких, как Люба, кралечек надо только как следует завести. Уж потом они все свои килоджоули потенциальной энергии обрушат на вас кинетическим напором – мало не покажется.

Так что и у меня через какое-то время давление стало спадать, и её груди – две шаровые молнии – постепенно уменьшая орбиту своих метаний под пологом, мягко приютились рядом со мной. Я же в каком-то сладком полусне уткнулся в них, вдыхая сладкий аромат далёкой родины.

Потом, как и было обещано, мы двинули к океану. На ближайшем мысочке я и запустил Любашу в воду. Здесь даже на метровой глубине можно было иногда найти красивую ракушку. Барышня, хотя вроде и умела плавать, далеко заходить не решалась. Мне же вообще лезть в воду не хотелось, и я, устроившись на берегу под пальмами, изображал из себя спасателя Малибу. Через какое-то время я заставил Афродиту выйти из воды: на таком солнце и при такой прозрачной воде сгореть до угольков можно довольно скоро. Она, правда, пожаловалась на небогатый улов, но я успокоил её, пообещав компенсацию из своих запасов.

Здесь же, в подходящей к самому берегу пальмовой роще, располагалась одна из немногих достопримечательностей острова, а именно настоящий железобетонный дот. Причём действующий. Правда, бойцов там за все месяцы моего пребывания я ни разу не видел. Но зато пушка среднего калибра и штук двадцать зелёных деревянных ящиков со снарядами были налицо и в свободном доступе. Я относил сей довольно странный факт к особенностям изолированной островной жизни.

Естественно, я обратил внимание Любаши на эту достопримечательность, и она с интересом отправилась на экскурсию, заявив, что у неё папа прапорщик в отставке. А потом, высунувшись в амбразуру, объявила, что она Анка-пулемётчица и белые здесь не пройдут.

В сложившейся ситуации я был просто вынужден перейти на сторону белых и в роли офицера-капелевца пойти на штурм. При этом я напомнил противоборствующей стороне, что на помощь своих ей рассчитывать не приходится: подстреленному Василию Ивановичу до этого берега явно не доплыть. На что получил довольно легкомысленный ответ, что красные не сдаются.

Будучи командиром взвода радиационной и химической разведки в запасе и воспользовавшись хорошим знанием местности, я предпринял обходной манёвр и зашёл с тылу. Противник был захвачен врасплох и не оказал серьёзного сопротивления. Более того, удобно устроившись на снарядах ящиках, охотно пошёл на сотрудничество. И тем не менее был подвергнут серьёзному допросу с пристрастием.

Закончилась наша ролевая игра совместным купанием, после чего мы двинули в апартаменты.

Там мы уже без всяких глупостей просто попили чайку. Потом я отсыпал Любаше ракушек-каури. Нет, это была не плата. Просто от широты душевной. А потом презентовал чучело настоящего королевского краба, принесённое мне местным деловым человеком, очевидно в благодарность за возможность иногда пользоваться дармовым электричеством. Для сохранности краба поместили в коробку из-под макарон.

Тут как раз подъехал Пит со своей научной сотрудницей. Которая, к слову сказать, имела довольно утомлённый вид и слегка затуманенный взгляд. Очевидно, Пит со своим напарником оказали ей очень уж тёплый приём и отнеслись к возможности пообщаться с образованным человеком с очень уж большим энтузиазмом.

Мы с Любашей погрузились в авто. По дороге остановились у ещё одной достопримечательности – единственного на весь остров кабака. Спутницам предложили свежий кокосовый сок, а сами взяли по бутылочке пива. А потом вообще решили с Питом дальше не ехать и заказали ещё. Усадили барышень в джип и, как говорится, «люблю тебя я до поворота».

Мы пили пиво. Джип скрылся за поворотом. Ни адресов, ни фамилий, ни телефонов. «Пусть эта капля будет мёд».

Полагающиеся на месяц два пузыря коньяку растягивать особого смысла не было. Поэтому собирались мы с Питом и на раз-два это дело и заканчивали. Чтoб не мучиться.

И вот как-то раз уже почти добрались до доньшка, и Пит засобирался к себе в горное гнездо, как вражеский голос по транзистору нам сообщает, что дома у нас откинулся очередной дорогой и любимый. Не Лёня точно – кто-то другой.

Потому что, когда Лёня – меня забрали менты. Это я хорошо помню. Возвращаюсь с работы на хорошем градусе, а они мне – гоп-стоп! С какой радости бухаешь? Да я, говорю, между рейсами каждый день бухаю. А телевизор сегодня смотрел, спрашивают, радио слушал? Я, говорю, в конторе в преферанс режусь по 8 часов, после работы на девок столько же примерно уходит, в свободное время бухаю по-чёрному. В рейс готовлюсь. На телек или там радио времени, извините, совсем не остаётся. Отпустили, короче. Домой прихожу – чего это, думаю, они ко мне с телеком прицепились? Включил ради интереса, а там «Лебединое озеро».

А тут у нас по такому случаю ни телека, ни лебединого озера. И коньяк допили. Позвал я своего санчопансу. Горе, говорю, у нас. По русскому обычаю, что похороны, что поминки, бухать надо непременно. Тащи самогон.

Принёс он пузырь. Потом ещё один. И всё, главное, удивляется, что это у нас предводители мрут так дружно. Это, говорим, без пол-литры не понять. Тащи ещё. Да и самогон-то тот – тьфу! – дамское вино, градусов до 30. Только стаканы пачкать. Подходит критический момент: всё, говорит, нету больше.

Ну, мы ему опять про русские традиции, про политический момент и дружбу народов. Развели, короче. Приносит он трёхлитровую банку. Настойка, говорит. А там, значит, ящерица плавает в самогоне. Ну не то чтобы прям плавает, и уже и не ящерица совсем. В мутной жиже видно голову, лапы и хвост такэ, древесной ящерицы, а всё остальное лохмотьями по банке.

Толмач говорит, что, мол, это целебная настойка скоро будет. Ну как обычно, чтоб стояло и могло. И потреблять, значит, можно по сто грамм в день. Ну, мы с Питом, конечно, эту его хитромудрую теорию игнорируем и через марлечку полбанки отливаем. А через какое-то время, естественно, и ящерицу через ту же марлечку отжали.

На следующий день просыпаюсь: голова раскалывается, и не стоит, что характерно. То ли теория лженаучная, то ли ящерица не половозрелая, то ли сильно пережрала. И Пита нет – наверно, к себе ушёл. Наверно, вчера. Но голова болит сегодня.

Собрался кое-как с силами и со своим поильцем-кормильцем двинули в кафушку за пивом. И прошли-то всего ничего – глядим, Пит на обочине в кактусовых зарослях лежит, в самой чаще. Обалдеть! Принесли мачете и давай просеку рубить – колючки по три метра

высотой. А у Пита, главное, ни занозы, ни царапины. Про змей и скорпионов лучше и не вспоминать. Во что значит любимец Бахуса.

Питейное это заведение мы с Питом посещали редко, но регулярно. Раз в неделю. Сначала просадили всю свою наличность и решили перейти на бартер. Пиво на сгущёнку, которая здесь не то что дефицит, её просто нет. Но мои верные оруженосцы восстали против такого разбазаривания стратегического сырья и вопрос оплаты с барменом решили сами.

Вопрос «а какой сорт пива вы предпочитаете в это время суток?» перед нами не стоял. Потому как было только бутылочное Тайгер. Довольно неплохое, надо сказать. И после пяти-шести пузырей самочувствие было очень даже ничего. На закуску, правда, ничего приличного, на наш вкус, не было. Морепродукты местного приготовления имели такой кондовый запах, вид и вкус, что мы предпочли остановиться на банальном арахисе с солью.

Стоит заметить, что наши высокие котировки в кафешке поддерживались ещё одним весомым фактором – моим дизельгенератором. Притом что электричества на острове практически не было, только в сельсовете и в штабе гарнизона. К слову, два старых джипа тоже были только у них.

В силу этого почти монополизма (реформы Чубайса – тьфу-тьфу-тьфу, не к ночи будь он помянут – сюда, слава Богу, ещё не дошли) наше метеобунгало по вечерам являлось на небольшом острове маленьким оазисом цивилизации. Почти каждый вечер у парней с метео собиралась молодёжь: учителя, медики, сельсовет. Чисто культурное мероприятие: чаёвничали, брэнчали на гитаре, делали стенгазету, печатали фото.

Я, как представитель генерирующей компании, тоже иногда пытался принимать участие в этих посиделках. Тем более что одна училка начальных классов, на мой европейский вкус, имела очень даже привлекательные формы. От услуг переводчика в силу пикантности ситуации, естественно, пришлось отказаться. Зато очень кстати пришёлся привезённый из дома разговорник. Это в борделе знание языков не обязательно. А вот чтоб закадрить а-ля тургеневскую барышню, да ещё где-то на краю света, без пары слов не обойтись. И, к слову, покидая через несколько месяцев остров, благодаря *sleeping dictionary* я имел неплохой словарный запас.

Наличие моего генератора позволяло иногда проводить ещё одно культурное мероприятие – крутить кино. На соседнем пустыре из футбольных ворот делали киноэкран, и тропическая ночь превращала кочковатую поляну в битком забитый кинозал. Иногда киноустановку и фильмы привозили местные с материка, несколько раз я брал на приходящих к нам наших пароходах и установку, и фильмы.

Какой наш фильм, да ещё без перевода, можно показать в таком захолустье – большой вопрос. Тем более что парходская фильмотека, как правило, формировалась соответствующей организацией довольно оригинально.

Основу составляли фильмы типа «Ленин в Октябре», «Ленин в Польше», «Ленин в 18-м году». Сами понимаете, что зрителям из восточноазиатской деревни офигительно интересно смотреть, как дедушка Ленин в каком-то разливе тащится в шалаше от книжки Карла Маркса. Втайне от Керенского и Надежды Константиновны.

Другую часть фильмотеки наполняли фильмами про стройки, сталеваров, колхоз. В них какой-нибудь чудик в лаптях или телогрейке выводил на чистую воду голубого директора. А парторг в галстук, нервно покуривая, разруливал катаклизму. Гамлет отдыхает.

А чтоб показать моряку в рейсе сексапильную бабу, так это вообще шар в лузу. На моей памяти только раз мелькнула на экране на три секунды голая грудь: Сенчина рисанулась в какой-то фильме про дикий Запад. И всё.

Оставались только фильмы о войне. Но и здесь большая часть приходилась на убогие совковые боевики. Из приличных фильмов вспоминаются в первую очередь «На войне как на войне»; «В бой идут одни старики»; «Женя, Женечка и катюша».

Так что закрутил я как-то на пустыре «Два бойца». Ну и переводчику предварительно выдал аннотацию, чтоб хоть немного народ в теме был. Короче, на войне один поц из Одессы пристал до честного фраера из-за Урала, типа давай дружить. Но Саша с уральмаша конкретно хотел одну питерскую чувиху, и поэтому весь этот развод на мужскую дружбу посылает на буй сигнальный. А этот одесский биндюжник припёрся на хату к бабе и на пианине им всю малину обломал. Ну уральский пельмень от такого нахальства одурел и с пулемётом упёр в атаку. И что вы скажете за Одессу. Он, получив от Саши таки облом в отношениях, решил под шумок атаки сбегать во вражеский окоп, нарываясь на ахтунг. Но Саша с уральмаша эти содом и гоморру из пулемёта разбомбил. И пока типа кореш в отключке, попёр к бабе в Питер. 1:0 в нашу пользу.

Между прочим, мне за мою миссионерскую деятельность на острове в сельсовете дали грамоту с красной звездой. И на банкете напоили водярой.

Но как ни хороша была эта островная жизнь, стоило только прийти моему родному пароходу, как рванул я оттуда без оглядки. Променив тропическое звёздное небо и креолку на океанском пляже на яичницу с беконом на завтрак и персональный ватерклозет. Теперь думаю: зря.

И по своему природному раздолбайству и пофигительству бросил там и мешок с обалденными раковинами, и чучела огромного омара и здоровенной черепахи, презентованные мне по случаю отъезда доброжелательными аборигенами.

P.S. Ровно через 25 лет, когда белый пароход неспешно пробирался в сторону экватора, на траверзе на линии горизонта из густого тропического марева vyplыл тот самый остров. Что и послужило поводом настроичить всю эту одиссею.

Южно-Китайское море. 2007 - 2012 гг.

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ...

История такая. В уже далекие времена очень-очень развитого социализма пришлось мне добираться с нашего Дальнего Востока в их недалёкую от нас Юго-Восточную Азию. Это сейчас сел на аэроплан, и через пару часов ты среди кокосовых пальм и всяких там тайских массажисток. А тогда это выливалось в целое кругосветное путешествие во времени и пространстве.

Короче, пароход наш после ремонта шел в одну сильно дружественную нам страну, а нам, как говорится, научным сотрудникам, предстояло следовать до места встречи воздушным транспортом. Причём, что интересно, надо было сначала через всю страну переть с крайнего востока на запад в столицу нашей родины, а потом уже с загранпаспортом и печатью в нем тащиться почти параллельным курсом обратно на юго-восток.

Собрались мы после отпусков, отгулов и прогулов за несколько недель до вылета: справки-документы сдать куда надо, ну и вообще, чтоб быть под рукой у начальства. А так как делать в конторе нам было абсолютно нечего, то появлялись мы там на переключку каждый день часам к одиннадцати: покурим, побазарим с полчаса за жизнь – и свободны. Правда, если не придёшь, особого шухера нет: все в курсе, как мужикам тяжело по утрам вставать.

Ну вот, в связи с такой обстановкой у меня шла уже вторая, а может, и третья – кто их считал! – неделя легкого, так сказать, запоя. Не то чтобы до соплей или белой горячки. Культурно и пристойно, но тоже хорошо. Я и товарищ мой, в народе Петёр Герасимович (второе ё), вели жизнь размеренную и бесхитростную. Обычно сознание прояснялось и душа с телом соединялись часам к десяти, ну, может, к пол-одиннадцатого. Совершив неторопливый моцион в общаговском умывальнике и сортире или наоборот – это уж как повезёт – мы выходили в

город. Хотя нет, выходили мы только из общаги, а дальше сил идти не было, и поэтому передвигались мы исключительно на такси. Да и маршрут наш не впечатлял разнообразием: «Сахалин» или «Нептун». Это центровые кабаки нашего города. И открывались они как раз где-то в это время для кормежки прибывающих на обед тружеников тыла.

Надо заметить, что отличительной чертой нашего, в сущности, небольшого города было относительно большое количество кабаков и примкнувших к ним питейных заведений классом пониже. И хотя все они, за исключением «Сахалина», были построены не так давно в стиле социалистического реализма и поэтому особыми изысками архитектуры не отличались, главное, что страждущий всегда мог найти себе пристанище и занятие по душе.

К центровым, которые посещались нами довольно регулярно, можно было ещё отнести «Вечер» и, конечно, «Спорт» – небольшой кабачок в парке, недалеко от знаменитой пивной веранды. А ещё был «Отдых», два кабака в гостиницах «Центральная» и «Турист», «Орбита» на стадионе, кабачок в стоявшем прямо у города на сопке пансионате «Горный воздух», и для особо страждущих – кабак в аэропорту.

Стоит ещё, конечно, упомянуть добрым словом знаменитый пивной кабак «Алые паруса» – вечная ему память. Классная была штука в центре города, деревянная, одноэтажная, на два зала, с чудным рыбным ассорти к пиву. Да вот место это приглянулось большевикам, и решили они вместо «Алых парусов» устроить себе новый обком под красным флагом. Но, как говорится, бог шельму метит, и возведённый на святом для всех скитальцев морей и полей месте билдинг по причине перестройки и гласности партийной явкой стать не успел. И хотя в новом бизнес-центре появился ещё один безликий городской кабак, названия которого не упомяну, восполнить понесенную мужиками утрату он уже, конечно, не смог.

Ну а кроме кабаков по городу было рассредоточено ещё несколько забегаловок типа чепок, где за высоким столиком можно было пропустить одному или с корешем рюмку-другую под какой-нибудь бутерброд.

И, конечно, сеть пивнушек, центровыми из которых были стекляшка за переездом напротив рынка, пивная в подвале под кафе «Крильон» и уже упоминавшаяся веранда в парке, достопримечательностью которой, кроме природы и свежего воздуха, была парочка ворон, запросто садящихся на столик и хлебавших из кружки пивко и закусывающих рыбной шелухой.

Вообще, надо сказать, городские власти заботились о народе, чтобы было где после работы или вместо таковой оттянуться на полную катушку и не забивать себе голову всякими бреднями про социальную справедливость, социалистическую законность и прочую тягомотину. Короче, пей, гуляй, веселись, остальное в рифму!

Так, о чем это я?

И вот, как говорится, труба зовет, завтра в полет. Вышли мы с Питом из общаги и решаем, куда податься, где провести последний денек, в смысле в «Сахалин» или «Нептун». В каждом варианте свои резоны. Если с прицелом на вечер, то можно и в «Сахалин». Там и вид посolidней, колонны-балконы всякие, и дамы в вечерних платьях позабористей. Но в «Нептуне» зато кухня получше, особенно если после вчерашнего: всякие там морепродукты организмом с подорванным здоровьем лучше усваиваются, да и под пивко с водочкой идут очень даже. И хотя башка соображает туго, решили быть последовательными до конца. Едем в «Нептун», подлечимся, а потом уже переберемся в «Сахалин», благо ходьбы между ними даже нам три минуты.

Добрались до «Нептуна» без приключений, заняли столик в уголке, чтоб суетящийся народ сквозняков не создавал, и сразу первым делом по бутылочке пивка из холодильника и по салатику из кальмаров под майонезом. Они варёные, соломкой в пиалу наструганы, заправлены холодным майонезом – пальчики оближешь. Хорош также для этого дела морской гребешок в горчичном соусе – крутая вещь. Ну после пивка и кальмарчиков томление в груди вроде прошло, лицо тоже вроде как натуральную окраску приобретать стало.

– Давай, – говорю, – Петя, процесс релаксации организмов возьмём под строгий контроль: графинчик водочки и по горшочку морского ассорти, а уж потом смотря по самочувствию решим, что делать дальше. Так и замесили.

Скажу я вам, прав был профессор Преображенский, в том смысле, что настоящие ценители водочку принимают под горячие закуски типа жульен и тому подобное. Думаю, и наш, в смысле нептуновский, горшочек профессор бы оценил. Он, горшочек, керамический, заполняется всякими моллюсками и прочими ракообразными морепродуктами, плюс, конечно, лучок, специи, залепливается тестом – и в печь. А потом горячим с запекшейся лепешечкой прямо вам на стол. Корочку подорвал, кусочек поподжаристее в рот, ложкой зачерпываешь парящее, ароматное и водочка холоднаяааа...

Кайф, аж слюни потекли, как вспомнил! Короче, час-другой пролетели незаметно. Бие-ния всякие в груди успокоились, спина отвалилась на спинку стула, организм расслабился и принял свое оптимальное состояние. За последние недели и дни количество алкоголя в крови достигло какого-то критического значения, и поэтому сколько и чего ни пей, всё время находишься на одном уровне: в меру пьян, в меру весел, а жизнь во второй половине дня приятна и удивительна.

Время к трем, в кабаках перерыв до вечера на профилактику, надо принимать решение, как жить дальше.

– Что, – говорю, – Пит, перебираемся в «Сахалин», пока его не закрыли?

А он только кивает, развалился на стуле и тащится, как котяра от валерьянки.

Скоро ли, долго ли, перебрались мы на другую сторону центральной улицы имени, конечно же, дедушки Ленина. Петя, гад, машин шугается, еле перетащил его на другую сторону, как линию фронта переходили. Ну и распахнулись перед нами знакомые двери.

До перерыва времени оставалось немного, но мы особо не торопились, так как знали одну хитрую хитрость, проверенную временем и практикой. Если сделать сразу большой заказ, чтоб халдею больше не бегать, и ещё дать сверху, то запросто можно остаться в кабаке до вечера.

Оценив, так сказать, диспозицию, мы и решили с Питом не мельтешить попусту туда-сюда, а плавно перейти к вечерней программе, как в общем-то уже не раз это делали. Заказали мы водочки с пивком, селёдки, рыбки красненькой, салатик крабовый, икорочки опять же красненькой. А что, зря, что ль, на острове живем. Так потихоньку, не спеша, с перекурами и дотянули до вечера.

А вечером начинается уже вторая часть Мерлезонского балета. В том смысле, что жрать уже нет ни сил, ни желания, а кабак начинает заполняться дамами. Типа дам, не дам и дам, но не вам. Ну и мужики тоже, конечно, подтягиваются – офицера и бродяги разных мастей.

Должен вам заметить, друзья мои, что вечерний кабак в то время был не предприятием общественного питания высшего разряда, а, если говорить по-нынешнему, этакой секс-биржей. Причем спрос и предложение почти всегда находили друг друга.

Где ещё можно так быстро и без особых прелюдий познакомиться, обсудить планы на вечер и претворить их потом вместе в жизнь, как не в кабаке!

Бабы, одуревшие за день от тоскливого сидения в своих учреждениях и конторах, от гама и суматохи магазинов и школ, приходили в кабак не просто хлобыстнуть пару фужеров шампанского и сплясать ламбаду, а прежде всего подобрать себе на ночь мужика, с которым можно забыть всю суету серых будней, забыть про всякие там эмансипации и придворные этикеты, а попросту расслабиться до потери пульса.

Поэтому, приглашая даму на медленный танец, ты знал, что пришла она сюда за тем же, что и ты, и выпендриваться и строить из себя восьмиклассницу не будет. Но, конечно, без хамства – ритуал должен быть соблюден. Да и к тому же, в отличие от нынешних, те дамы делали всё не за баксы и евро, а чисто из любви к искусству или, если угодно, по бартеру.

Короче, дело к ночи. В кабаке музон-шансон, танцы-обжиманцы, стрельба глазками и пируэты бёдрами. Народ отдыхает.

Мы с Питом особо не усердствуем, так как организмы резких движений не одобряют, ну и торопиться нам особо некуда.

И тут Петруха заявляет, что он сегодня что-то не в форме и вся эта бадяга ему претит. Заказал ещё графин водки и пошел в отрыв. Но не брошу ж я товарища, поддержал компанию, но торможу, потому как помню ещё, что это у меня последний вечер на родине и перед дальней дорогой надо заземлиться как следует. Но это уже всё смутно и почти на автопилоте, потому как количество всё же переходит в качество и груз прожитых дней давит на мозжечок все сильнее.

Поэтому подробностей не помню, да и вообще ничего не помню – очнулся уже на улице, обдутый свежим ветерком и остуженный ночной прохладой. Справа на руке Петёр Герасимович висит в дупель, слева вцепилась какая-то деваха. Но так как с Питом они явно в разных весовых категориях, то идём с приличным креном на правый борт. Благо, подкатил какой-то жигуль, и порулили мы к себе в депо.

Общага наша конторская, по-простому депо, находилась за железкой среди таких же себе подобных и имела соответствующий вид серо-коричневого деревянного одноэтажного барака. Система коридорная, почти все комнаты занимали семейные, лишь в одной-двух стояло 3-4 кровати для пацанов, где прописана была толпа народу, но постоянно жил только Пит, когда не был в морях. Я же все это время ночевал в соседней комнатухе семи квадратных метров, которую выбил себе наш кореш Малыш и в которую по причине проживания в данный момент у своей крали он меня и пустил.

Весь мебельный гарнитур в апартаментах заключался в деревянном топчане, как в КПЗ, занимавшем, наверное, метров пять, сбитом собственноручно Малышом из подручных материалов, ну и паре полок да вешалок. Представьте, как в ней жилось Малышу с его двумя метрами роста и ста килограммами чистого веса. Ну и если с воображением у вас в порядке, можете представить и меня на пару с девахой на этих квадратных метрах.

Пита я, конечно, припарковал на его койке, ну а сам к даме со своим меркантильным интересом. К тому времени я уже немного очухался и, как говорится, предъявил мандат и показал товар лицом, тем более что деваха оказалась ничего и было куда это свое лицо при-ткнуть. Лет ей было, наверно, 27-28, имени я, естественно, не помнил, потому как и самого знакомства не помнил, да и вообще с именами у меня тяжко.

Но все прошло хай-фай, мило и непринужденно, только вот с прелестями своими она попросила меня обходиться полегче, потому как на данном этапе она кормящая мать и может случиться всякое такое. Прямо Ги де Мопассан в натуре. Я прямо оторопел от такого перди-монокля, но потом ничего, приновился.

В промежутках пару раз выходил проведать Пита. Он вернулся в суровую действительность земного бытия, и мы с ним накатили по паре рюмах коньячку для бодрости.

Рано утром теплая и мягкая, словно кошка, кормящая мать спешно меня покинула, чмокнув в щеку. Мне бы, псу позорному, хоть на тачку её посадить, но... вот такая хрень.

Я ещё покемарил немного вполглаза, потому как будильник в башке тикает: мне ж на самолёт надо. Часов в десять встал, вещички в чемодан побросал, собрался, значит. Захожу к Питу, а он, бляха-муха, лежит, журнал «Наука и жизнь» читает. Вдумчиво так.

– Что, – говорю, – юный техник, делать будем?

Он на меня уставился, как член крестьянской коммуны на лампочку Ильича.

– Раньше, – продолжаю, – нас двое было, а теперь трое. Надо корректировать программу.

Пит задумался:

– А что, – спрашивает, – твоя с нами едет?

– Петёр Герасимович, ты от своего наукообразования совсем припух, что ли? Какая моя? Чемодан с нами едет и надо с ним что-то решать.

– Ну и? Пусть едет, – тупит радиолюбитель.

Вижу, диалог затягивается, выкладываю ему весь расклад.

Что сейчас едем в кабак – не обсуждается даже. Оставлять чемодан здесь – это или потом забудем или все время только о нём и думать, торопиться, короче, весь кайф поломаем. Тащить с собой в кабак тоже не вариант. Куда его там девать и, опять же, таскайся с ним потом.

– Напрягай, – говорю, – свои мозги, научно-техническая интеллигенция, ищи рациональное зерно.

Петя пару минут глядит в потолок и выдает идею:

– А давай мы его в камеру хранения на ж/д вокзале сдадим. Это в центре, от кабака недалеко, и такси там всегда под рукой.

Я прикинул: идея неплоха, но сыровата.

– В свете твоих идей, Пит, решение предлагаю такое. Забиваем на гастрономические изыски, а водка – она везде одинакова. Едем сразу в аэропорт. Там и кабак какой-никакой, и камера хранения тут же. И время экономим, и минимум хлопот.

Петя НЖ под подушку, ноги в носки. Едем, значит.

Добрались до аэропорта строго по графику, часам к одиннадцати, а на самолёт мне к трём, на всё про всё часа четыре. Пит – в кабак сразу, место столбить, я – в камеру, чемодан пристроить. А там полный абзац. Примем без проблем. Но потом перерыв как раз перед моим рейсом, то есть грубо-примерно через час-полтора забирать чемодан надо обратно. Огорчился я, конечно, сильно, стою посреди аэропорта: что делать? Смотрю: у регистрации никого, и две девки за стойкой сидят и весело о чем-то чирикают. Подхожу.

– Барышни, выручайте! Примите чемодан на хранение, всё равно мне вам его скоро сдавать.

Они билет мой посмотрели, говорят:

– Рано ещё очень.

Я продолжаю:

– Такое дело, меня друг в кабаке вашем наверху ждет. Пока до рейса дойдет, боюсь, меня самого в багаж сдавать придется, а уж где к тому времени чемодан окажется, я вообще гадать не берусь. Помогите, шоколад за мной!

Смеются! Весело им. Но вижу, что и гнать-то не гонят.

– Пошел, – говорю, – за шоколадом.

Возвращаюсь, вручаю презент с чемоданом впридачу.

– Жаль, что улетаю, – говорю. – Но обещаю вернуться. И не с шоколадом.

– Все вы, – говорят, – обещаете вернуться.

Достали чистые бумаги для регистрации пассажиров и меня под номером один туда вписали. И чемодан мой укатали куда надо. А я бегом к Питу.

Ресторан в аэропорту – одно название. В лучшем случае кафе, а то просто столовка. Ни интерьера, ни комфорта, ни кухни. Только и того, что спиртное подают да в окно самолёты видно. Ну у меня больше дел на острове не осталось, время идет, и налегли мы с Петей на неё, родимую, со всеми оставшимися в организмах силами. Хорошо хоть уговорили официантку вести хронометраж нашего сидения и в нужный момент выгнать нас на посадку. Сколько пили и чем закусывали – не помню, очевидно, за давностью лет.

Вдруг чувствую: кто-то в бок тычет. Что за фигня. Смотрю: Малыш рядом.

– Сейчас, – говорит, – стюардесса стаканы принесет.

– Какие стаканы, какая стюардесса? Где Пит?

– Пит на депо, наверно, а мы сейчас по соточке.

Смотрю: ё-мое! Сидим в самолёте, причем последний ряд. И девчонка стаканы несет. И воду. Охренеть!

– Давно летим? – спрашиваю.

– Да ещё не взлетали.

И в стаканчик мне водяры набулькал. Я на автомате выпил и сижу, дурею. Мужики впереди тоже водку жрут, и дым до потолка. А Малыш опять мне в стаканчик булькает. И весёлый такой, сука!

– Не части, – говорю, – дай продохнуть.

А он:

– До взлёта надо успеть. Турбуленция.

И снова булькает. И турбины как загудяааа...

Опять Малыш в бок толкает.

– Дай вылезу, – говорит.

– Куда вылезешь? Совсем опух, я у окна сижу.

– На улицу.

И прёт как танк. Я смотрю: а это и не самолёт вовсе. Что за коллизия опять?

– Где самолёт? Мы ж в самолёте летели.

– Уже прилетели, – Малыш говорит. – На дозаправку сели. Ну и у нас горючее кончилось, вот и поехали.

– Куда? – интересуюсь.

– А хрен его знает. Водила с аэропорта повез, обещал, что за двадцать минут успеем. Тут коньяк хоть и дорого, но без очереди.

И исчез с горизонта.

– Минералки купи, пить хочу, помираю! – ору вослед.

Огляделся: в машине ещё Никотин сидит и предводитель на переднем сиденье. Сколько времени прошло – не знаю. Возвращается Малыш, меня в середину затиснул.

– Купил? – во рту, как в пустыне.

– Купил!

И открывает кейс, полный коньяка.

– Где минералка, – говорю, – я без воды не поеду. Сейчас сам пойду.

И вылезать.

Они на меня давай орать всей кодлой. Нехорошие слова всякие. Благо дядька таксист початую бутылку какой-то минералки вытащил, я её, как вакуумный унитаз, вмиг засосал.

– Жаль, – говорю, – без газа.

А эти гогочут:

– Газ у нас с собой.

И к мужику.

– Раз такой запасливый, доставай стакан.

Тот гад, точно, стакан достает из бардачка, ну и пошел коньяк по кругу. Меня, естественно, в эту воронку тоже засосало.

А Малыш опять достает. Что ж его, москаля, ни водка, ни коньяк не берет. Его легче убить, чем напоить. Хотя убей такого: 200 см на 100 кг. Чего он теперь от меня хочет-то?

– Ну?

– Это твой чемодан по кругу катается?

– Какой чемодан? Как ты меня достал!

Открываю глаза – а мы в аэропорту, и на выдаче багажа мой чемодан по транспортеру круга нарезает.

– Что за фигня? – спрашиваю.

– Прилетели, – говорит. – Столица. Получай багаж.

Как прилетели? Когда? Ладно. Беру свой чемодан и в автобус. Везут в гостиницу. Ночь на дворе. Голова трещит.

Привезли в какую-то дыру: экономят, падлы, на трудящихся. С виду большой отель, а внутри барак каторжный, дом колхозника. Этажей много, а система коридорная, и всё в конце коридора. В комнате две кровати и диван. Ну я сразу диван застолбил – и на поиски чего-нибудь попить.

Выхожу из номера, а соседняя дверь – буфет. В ассортименте шампань, шоколад и сосиски. Остальное говорят утром подвезут.

Что делать? Затарился – и на диван.

Прожили мы там двое суток. Я дальше соседней двери так и не ушёл. Выйду, запасы восполню и назад на диван. Пузырьки шампанского уже из всех щелей прут.

На третий день предводитель наш зашел.

– Паспорта готовы, – говорит, – завтра утром выезжаем в аэропорт. Выйди хоть купи что надо.

– А что надо? – спрашиваю.

– Разрешено две бутылки и два блока сигарет.

– Мне, – говорю, – ещё тапочки надо, а то хожу тут босиком.

– Во-во. Тебе, может, помочь с колониальными товарами?

– Не грузите меня ниже ватерлинии. Разберусь.

Собрался с силами и вышел. Столица. За углом вроде, говорили, какой-то проспект. Высунулся – мама дорогая! Машин! Народу! Аж голова закружилась. Я задний ход – и к гостинице. В переулке гляжу: продуктовый магазин. Купил там пару «Пшеничной» и болгарских сигарет. Всё, думаю, хватит, погуляли, пора на диван. И тут подфартило: рядом палатка со всякой хренью, и там домашние тапочки. На радостях чуть две пары не купил. И назад. Главное, водку не выпить до отъезда. Но обошлось, до утра продержался на шампанском и сосисках, а там и в Шереметьево пора.

Приехали в аэропорт, ну и на контроль. Нас человек пятнадцать. Первые прошли, подходит очередь одного нашего чудика – поэт Портвейн-Водкин, передвижник. Пограничница его увидела и оторопела: ладно, небритый, ладно, в телогрейке, так он ещё в руке полную авоську водки держит. Бутылок восемь. Она аж глаза закатила.

– Конечно, товарищ, телогрейка даже очень подчёркивает ваше рабоче-крестьянское происхождение, но через границу провозить можно только две бутылки водки.

А он на хорошей кочерге, фиг чего понимает, только паспорт ей молча тычет. Баба в погонах ему пытается свою мысль донести о правилах провоза спиртных напитков через границу – а тот в ступоре. Паспорт суёт и не мычит не телится.

Международная обстановка резко накалилась, но предводитель наш вежливо и аккуратно тащит этого чёрта за телогрейку обратно на родину. Что делать? У всех и так по две. Не выбрасывать же. И пока остальные пассажиры проходят, мы всем оставшимся коллективом на глазах у таможни утилизируем с горла шесть бутылок столичной.

Как переходили границу – не помню. Но никто не отстал.

Очнулся в самолёте. Опять рядом Малыш шебуршит. Доедем до парохода – сгною, гада, на корме.

– Обед, – говорит, – несут.

Он, конечно, пожрать не промах, но тут, оказывается, дело опять пахнет выпивкой.

Желающим раздают по мерзавчику сухарика, но выясняется интересная штука. Полсамолёта занимают эти самые азиаты, к которым мы летим, и они почему-то не пьют. Почти все. То ли вера не позволяет, то ли воспитание.

Малыш эту тему сразу просёк – и к стюардессе. Руку на талию, ну и развести москвичи умеют. Короче, уболтал девку, та тащит полный поднос этих самых мерзавчиков стограммовых.

Начинаем обедать. Штуки по четыре выпили – не могу, не лезет уже, и изжога началась.

– Мне, – говорю, – после аэропортовской водки вино что-то не пошло.

А впереди Стас сидит.

– Во-во, – говорит, – и мне не идёт.

И достаёт литровую бутылку водки. Полетели дальше.

Говорят, было две промежуточные посадки в Пакистане и Индии. Наверное, не врут.

Прилетели. Азия. Юго-Восточная.

Из самолёта вышли – кранты. Русская баня отдыхает. Ладно, жара, так ещё влажность такая, что джинсы прямо прилипли. Мотор внутри молотит как бешеный. Не продохнуть. Что можно, с себя постыгивали – пофиг. Смотрю, у меня пакет с тапочками. Кроссовки скинул, влез в тапки – чуть легче. Но это полдела. Прошу Малыша, чтоб пошукал пива где-нибудь. Но в аэропорту – ноль. Уже по дороге Малыш достал водилу, тормознул автобус и в какой-то забегаловке взял пива ихнего. Только это и спасло.

Наконец добрались до своего родного парохода. Душ, кондиционер – и спать. Только графинчик для газировки за дверь выставляю – кто мимо проходит, сжалится, принесет из автомата. Так пару дней и отлёживался, пока не пришла пора выходить на работу.

Ну и всё. Конец путешествиям. Два месяца суровых трудовых будней, а потом обратно на остров, но уже неспешно, пароходом. Вот такая история.

Примерно через год отдыхаю вечером в «Нептуне». Смотрю: через пару столиков сидит вся из себя и вроде как знакомая, но вспомнить, кто такая, не могу. Долго под коньячок вспоминаю – ноль. А она всё с офицерами танцует, те, кобели, прямо в очередь выстроились. Тут лабухи объявляют последний танец – и финиш. Надо, думаю, сомнения рассеять, а то ночью плохо спать буду.

Подхожу к её столику, а она смеется:

– Наконец-то!

И очередного офицера отбрила.

Говорю:

– Извини, конечно, похоже, мы знакомы, я уже полвечера вспоминаю, кто ты и откуда, но что-то торможу.

А она:

– Да я давно заметила, как ты на меня уставился, думала, что так уже и не подойдёшь. А познакомились мы год назад, перед твоим отъездом. Вы с другом в «Сахалине» гуляли, а потом я к тебе в общежитие поехала.

– Ещё раз извини, – говорю, – но имени твоего я тоже не помню.

– Люда.

Очень мило.

– А я ведь, – говорит, – приезжала тогда в аэропорт тебя провожать.

– И как, проводила?

– Только взглядом, когда тебя из ресторана в самолёт переносили.

Вот такой круговорот воды в природе. А спал я в ту ночь хоть и мало, но хорошо.

Баренцево море, 2007 г.

КАК ПРОВОЖАЮТ ПАРОХОДЫ

День – с детьми в зоопарк, вечер – с соседом по коньячку, ночь – подруге до последней капли. Утром дверь закрыл и не оглядываться. И к едрёне фене синенький скромный платочек и воздушный поцелуй на причале.

По дороге зашел в пивную освежиться, расплатиться, проститься.

Сбор с утра. Но так как все знают, что с утра никто придет, автобус подогнали после обеда. А так как все знали, что автобус будет после обеда, то с утра никто и не пришел.

Только отъехали – остановка. Прикупили пару ящиков пива и, кто прошляпил накануне, водки.

Следующая остановка за Соловьевкой. Пикник на обочине. Разложились с видом на море на крутом берегу Анивского залива.

Сначала по соточке за здоровье, а так как здоровье в нашем деле главное, тут же по второй. И всё это дело селедочкой, родной, дальневосточной, пряного посола. Да ещё пару головок лука, сладкого, крымского, с синим отливом на части порубили. А она, селедка, сука, на солнышке лоснится, играет, вслед за водочкой вовнутрь прямо косяком идет. Под неё, свежую, душистую, малосольную, да с лучком, пол-литра засадить нечего делать.

Потом, конечно, за тех, кто в море, и семь футов под килем. Вопрос очень серьезный, обстоятельный, поэтому на закусь уже идет палтус.

Берешь кусок позажаристее – имеешь вещь. Корочка хрустящая, внутри мясо белое сочное и, кроме хребта, никаких тебе костей. Хорошо!

Что интересно, чего только не делали палтусу в советских обжорках, чуть ли ни на машинном масле жарили, а испортить не могли.

Палтус, он, зараза немного жирноват, но тут как раз уместно к нему гарниром запустить горку салата из морской капусты.

Конечно, обыватели Бобруйска или Урюпинска ничего, кроме картошки и соленой капусты, не видевшие, от этого морепродукта шарахаются, как тараканы от дуста. Но поживший немного на Дальнем Востоке вскоре становится большим фанатом этого специфичного продукта.

Так что под палтус и морскую капустку накатили по полной.

А в продолжение пошла горбуша горячего копчения с корейским папоротником.

Ну горбуша она и есть горбуша. Она на Сахалине как сало на Украине – национальное достояние и продукт первейшей необходимости одновременно. Её, и соленую, и вяленую, и копченую, можно найти почти в каждом холодильнике. Даже если вообще ни хрена нет, горбуша всё равно есть.

Ну а папоротник – это уже местное ноу-хау, которое потом разбрелось с корейцами по рынкам страны до самого синего моря.

Вот под таким гарниром и проходит первая стадия пикника – водочная. И плавно переходит во вторую – пивную.

А в переходный период, когда водочку прихлебывают свежим пивком местного разлива, на первый план выходит, конечно, балычок из кеты или там нерки.

Только не жрать его как картошку – эстетично стругаем тонкими ломтиками и на кусочки хлеба с маслом кладём.

Берёшь в одну руку стопочку грамм 70, в другую кусочек хлебушка с желтым маслицем и нежной нерочкой и размеренным движением не спеша кушаешь сначала водочку, пару глоточков пива, а потом балычок. Ну и запиваешь всё это опять из кружки пивком.

Пару минут сидишь тихо, наслаждаясь природой. Можно покурить. Потом опять берёшь стопочку и бутербродик, но только без спешки и жлобства, всё должно быть в меру.

Кстати, о балыке. Случай из жизни.

Берешь свежую кетину или нерку.

Где берёшь? Где и все берут, шевелиться надо.

Потом берёшь острый ножик и начинаешь разделывать тушку.

Но если нет острого ножа, значит, руки у тебя под другое заточены, да и где взять нерку или хоть кету такими руками.

У кого ножик есть, вспарывать её от рта до заду не по брюху, а по спине. Если икры нет, вываливаешь требуху, если икра есть – это другой случай.

Потом из башки (у рыбы) вырезаешь жабры и, наконец, аккуратно повдоль ножичком отделяешь хребет – и тоже в утиль.

Теперь тушку (рыбы) хорошо промыть в холодной воде и, подсушив её салфеткой или туалетной бумагой – что у кого есть – выложить на кусок марли. Где взять марлю, спроси у знакомой девахи. Ну уж если знакомой девахи нет, значит, и у тебя руки не под то заточены – гуляй отсюдова, голубок.

Остальные, закончив процесс разделки, приступают к главному.

Соль каменная крупная, да хоть и хохляцкая. Несколько щепоток рассыпаем равномерно по всей площади. Ч/л сахару. Дальше по вкусу поперчить перчиком черным и душистым. Накрываешь сверху марлей и захлопываешь тушку. Марля и внутри, и снаружи. Потом заворачиваешь всё в пергамент или кальку, насаженную предварительно в офисе, и кладёшь в холодильник (не в морозилку!).

Через неделю ты без базара обладатель эксклюзивного продукта.

Ну а на пикнике балычок закончился, водочки почти все нахлебались, и наступает пивная часть застолья.

Но на острове пиво не пьют. Здесь пьют «пиво с корюшкой».

Это две большие разницы.

Рыбка эта, корюшка, зимой и ранней весной прет из лунок, пробуренных в меру поддатыми рыбаками на ещё не унесённых в море льдинах.

Говорят, что пахнет она свежим огурцом – не знаю, огурец не нюхал, но рыбка точно имеет свой эксклюзивный аромат

Во время массовой рыбалки все балконы Сахалина увешаны, как новогодними гирляндами, связками обдуваемой свежим ветерком корюшки.

Стандартная корюшка, толщиной в два пальца и длиной сантиметров 25, в готовом подвяленном виде набивается стоймя в трехлитровую банку, где под крышкой и дожидается своего часа.

Кто попробовал корюшку хоть раз, западает на неё навсегда.

Известны случаи, когда даже гражданки, в рот пива не берущие, за пару-тройку корюшек готовы буквально на всё. Не вру. И их понять можно.

А «корюшка с пивом» – это покруче, япона мать, чайной церемонии будет.

Пока ты отделяешь тоненькую, как папиросная бумага, шкурочку, потом расщипываешь рыбку повдоль на несколько аппетитных просвечивающихся на свету кусочков, потом легко надкусываешь один из них и, немного посмаковав вкус и запах, делаешь пару глотков натурального свежего пива, время стоит и ждёт.

Предающийся этому процессу регулярно может продлить свою жизнь до бесконечности.

И сколько ни ноет водила автобуса, что пора и ему ещё в гараж надо, пока корюшка не закончилась, никто никуда не поедет.

Стоит заметить, что на самобранке так и осталась нетронутой до худших времен литровая банка красной икры чьего-то собственного приготовления, в меру просоленной, без химии, икринки одна к одной.

Но мы, что ли, икры не видели. Да ещё слегка уже подсохший опять же с рыбой румяный пирог, испечённый чьей-то заботливой хозяйкой, очевидно с радости, что её бородатый постоялец наконец-то сматывает в моря.

Теперь не спеша можно и на пароход.

Отход назначен на 19:00, но настоящий капитан в понедельник в море не выйдет. А у нас мастер что надо: до ноля дотянет любым способом, и только во вторник, хоть бы и в 00:05, даст команду на отход.

Так что пока наш красавчик ледакол, желтый верх – черный низ, в легком нетерпении, как породистый жеребец при виде зада хорошенькой кобылки, пускает пар из ноздрей и бьётся весь мелкой дрожью в предчувствии морской прогулки.

Перебравшись на пароход, те, кто послабже и устал с дороги, разбрелись по каютам покемарить часок-другой.

Остальные, раскинув оставшееся от пикника, расположились в лабо на ящиках с магнитной лентой, догоняясь водочкой в ожидании часа X.

И вскоре по матюгальнику на весь пароход разнеслась долгожданная весть: на причал прибыл вождь и предводитель, он же держатель золотого запаса, начальник рейса собственной персоной.

Ему навстречу тут же из лабо выдвинулись пара человек, ещё твердых духом и телом. А помощь нетвердо стоящему на ногах и с трудом ворочающему языком начальнику была ой как нужна, ведь приехал он не с пустыми руками.

Согласно существовавшим нормам, для профилактики всякой аппаратуры на партию выдавалось 12 литров спирта на месяц. А так как в рейс уходили месяца на три, то и спирта получали сразу соответственно.

Вот с этими заветными канистрами и прибыл такой уставший начальник со склада, вот этих заветных канистр и дожидались бедолаги по всему пароходу.

И не то чтобы у народа не было бабок на водку или там коньяк.

Нет.

Просто невозможно представить себе нормальную работу и вообще житье по соседству с двумя канистрами спирта: какая ж нервная система выдержит такое соседство.

В таких условиях процесс абсорбции градусосодержащей жидкости в организмах научных сотрудников может растягиваться на долгие дни, оказывая негативное влияние на производственный процесс, а главным образом доставая начальника непрерывными посещениями ходоков с пустой стеклотарой.

А чтобы решить эту проблему кардинально и быстро. опытный начальник делал сразу ход конем: вызывал к себе какого-нибудь аксакала и со словами: «... и чтоб больше не ...» – вручал ему полную канистру спирта. Сам при этом удаляясь со второй канистрой и капитаном на производственное совещание.

Тем временем в лабо процесс пошел.

Надо заметить, что часть спирта по-братски выделялась экипажу парохода и исчезала где-то за водонепроницаемыми переборками.

А в лабо, куда доставлялись стратегические запасы воды и хлеба, не спеша подтягивались из кают слегка опухшие и помятые мужики.

Описывать процесс питья спирта очень сложно.

Всё в каких-то серо-мутных тонах, замедленные движения, рожи напряжённые и сосредоточенные, эмоции редки и скупы.

Тосты просты и доходчивы: «ну, давай...», «ну, поехали...»

Кто-то разводит, кто-то нет.

Одни запивают, другие закусывают.

Чем – абсолютно всё равно. Вкусовые рецепторы обожжены спиртом, в нос лезет убойный запах резины. Что красная икра, что баклажанная – один хрен.

И вот уже первые бедолаги отвалились назад, но благо падать некуда и идти никуда не надо. Их, согласно технике безопасности, заботливо кладут на бок и с размеренностью марша продолжают разливать брют по 7 коп. за литр.

Время незаметно переваливает за полночь. И вот кэп посылает далеко и надолго боцмана по телефону, а стармеха лично.

Первый со своей швартовой гоп-компанией с матом и перегаром спешно выбирают швартовые концы, второй сползает в машину и, раздолбав для порядка вахтенных, даёт добро на запуск подруливающих винтов.

Пароход неспешно отваливает от стенки, и ещё остающиеся в живых на мосту выводят его из порта.

Но и только.

Едва выбравшись за внешний рейд, пароход прижимается поближе к противоположному берегу залива, где абсолютно никакой боцман бросает якорь.

Машина переходит на холостые обороты, и пароход превращается в мираж, пристанище духов спиртосодержащих. И этот групповой спиритический сеанс растянется на долгие минуты, часы, иногда дни.

36 литров спирта – 72 литра водки – 144 бутылки – на старые дрожжи.

Однажды какой-то дядя в большом московском кабинете (наверно, язва припёрла) озабочился здоровьем геологов, буровиков и прочих скитальцев лесов и полей.

И чтобы прекратить эту всеобщую пьянку в полевой сезон на бескрайних просторах родины, от южных песков до северных морей, повелел, значит, этот нехороший человек заменить пищевой спирт на денатурат в таре с черепом и костями и предупреждениями большими буквами. Типа «не пей, козлёночком станешь!»

Ему, наверно, в детстве сказок не читали.

А то знал бы, что русский человек потому и дошел через тайгу и горы аж до Тихого океана, что во всякие там страсти-мордасти не верил и всё проверял на ощупь да на зуб.

Короче, после этого нововведения стали мужики вымирать целыми полевыми партиями и научными экспедициями.

А что, первопроходцы и первооткрыватели! Им ли бояться всяких там костей-черепов и грозных приказов!

И пили, и дохли, и пили.

Вот тогда и издал министр геологии свой знаменитый указ, чтоб в поля и моря выдавали только пищевой спирт. А чтоб им там кайф хоть немного обломать, делали этот спирт с таким запахом, что хоть нос прищепкой зажимай.

А какой перегар! Муха, неосторожно попавшая под выдох, дохла на лету. Так и нарекли его – калоша. Любя, наверно.

А наш пароход в спиртовом угаре и калошном смраде почти двое суток не подавал признаков жизни.

Внешних.

Но глубоко внутри теплилась жизнь, обожженные глотки шумно отрывали и жадно поглощали леденящую воду, заливая пожар души и тела.

И снова булькало из канистры, и снова потоки воды тщетно пытались залить пожар преисподней. И было так.

Но оскудела рука дающего.

И красные волосатые носы морских бродяг вдруг уловили что-то мимолётное, неземное, манящее за собой.

Чудный запах постепенно заполнял всё пространство, дурманя головы и сводя в судороге пустые животы.

И стали выползать они из своих щелей на белый свет и брести, еле волоча ноги и цепляясь за переборки, вслед за волшебным запахом наверх.

И пришли они и сказали:

– Веруем! Есть Кок на свете!

И увидели они на камбузе блестящую супницу, полную ароматной искрящейся солянки. И скупая мужская слеза прошибла их.

За долгие годы морских скитаний пройдены все океаны, отведаны многие экзотические кушанья Востока и Запада, Севера и Юга, но всё это такая лажа в сравнении с нашей свежей, обжигающей солянкой на следующий день после страшной, черной пьянки

Когда ты, кажется, вышиб водярой из себя всё – и брренное, и нетленное.

И остались только ссохшийся скрипящий скелет и, словно рыбачья сеть с крупной ячейей, серая трескающаяся кожа.

А тут она, жирная и сочная, горячая и густая, пряная и острая, дымящая и радужная, как палитра импрессиониста.

Солянка сборная мясная.

Она обволакивает твои кости, она наполняет твои поры, она впитывается в твою кровь и воскрешает душу.

И с каждой съеденной ложкой этого эликсира жизни, этого бальзама души ты оживаешь, возрождаешься, расцветаешь и, наконец, воспаряешь над чёрной бездной прожитых дней.

И вот им всем.

Настоящую солянку может сделать только кок, настоящий кок – только мужик.

Для настоящих мужиков.

Солянка.

Если в вашем холодильнике завалился ссохшийся окаменевший кусок копчёной колбасы, вы вполне можете помечтать о мясной солянке, а что.

А если ещё в морозилке которую неделю мёрзнут пара-тройка кто их знает из чего сделанных сосисок – без базара, солянка вам гарантирована.

Для начала идёте в ближайший супермакет или на рынок и покупаете грамм 300 свежего мяса, лучше свининки, без костей.

Помыли, сварили, положили на тарелку остывать.

Бульон в унитаз, в новую воду кладете кусок курицы.

Конечно, лучше, если это вольнопасущая курица, погибшая под колесами вашего внедорожника, но можно на крайний случай и пару окорочков.

Сварили – курочку на тарелку остывать, а этот бульон уже идет в дело.

Две-три средних картофелины почистили, порезали на небольшие куски и отправили вариться в куриный бульон.

Пока там закипает, крупную луковицу и небольшую морковку эротического вида почистили, порезали и на сковороду с растительным маслом – жарим до золотистого цвета.

Всё варится-жарится, а вы остывшее мясо порежьте на небольшие кусочки, курочку отделите от костей, и всё это мясное – обратно в кастрюлю к картошке. Туда же лучок с морковкой.

Основа готова, теперь начинаем шаманить над вкусом, цветом и запахом.

Не забыли про сосиски. Вообще-то любителям мясного в них есть нечего, соя да крахмал, но нам они пригодятся для запаха и как наполнитель.

Под горячей водой стянули с них обертку и порезали разок повдоль и часто поперек на небольшие кусочки, а потом бросили на разогретую после лука-моркови сковородку.

Подлейте только масла и почаще помешивайте, а то эта биомасса, из чего они сделаны, сильно прилипает к сковороде.

Когда кусочки сосиски заметно поджарятся, бросайте их туда же в кипящую на медленном огне кастрюлю.

Теперь ваш заветный кусок копчёной колбасы почистить, мелко порезать – и тоже в кастрюлю. С мясом всё.

Когда ходили на рынок за мясом, не забыли купить 3-4 соленых огурца? Пробовали, чтоб хрустящие и не очень кислые? Так вот, огурцы порезать на кубики, как сосиски, и в кастрюлю.

Теперь вскрыли две баночки – оливки и маслины без косточек – маринад долой, каждую ягодку поперек напополам – и в кастрюлю.

Всё в кастрюле помешали и пробуем на соль, кому сколько надо.

Поперчите чёрным и красным перцем, кто как любит. Бросьте лаврушки 2-3 листочка.

Теперь небольшой пучок петрушки и укропа пошинковали – в кастрюлю.

И, наконец, нарезать 2-3 кружочка лимона, разделить каждый на 4 части и отправить в кастрюлю.

Помешать, попробовать на кислоту – если огурцы и лимон не очень, дорежьте ещё дольку лимона, но осторожно.

И всё. Готово. Выключили.

Взяли тарелку, половничком зачерпнули сначала снизу гущи, потом сверху всего понемногу. Поставили тарелочку и сверху ложку сметаны.

Теперь гляньте на тарелку – вы же Пикассо, блин!

Какая палитра, какая текстура!

Золотой лучок, алая морковочка, зелень оливы, синева маслин, солнечный лимончик и белоснежная сметанка.

Мы же художники, Киса!

И теперь не спеша всю эту красоту ложечкой, можно и без хлеба.

Кайф.

Вот и наши бедолаги пароходские трясущимися руками зачерпнули кусочек солнца и ещё неуверенно поднесли полные дымящиеся ложки к пересохшим губам.

И жизнь медленно поползла вниз по обожжённому пищеводу, и рука всё увереннее сжимает ложку, и с глаз спадает мутная пелена, и распрямляется спина, и душа возвращается в тело.

И не прошло и часа после чудесной трапезы, а пароход загудел, как улей, затопали уверенно по трапам вверх-вниз кожаные башмаки, завертелись моторы, загудели насосы.

И вот уже боцман в рыжей трёхдневной щетине марширует на бак выбирать якорь.

И вот уже на мостике до синевы выбритый и на десять метров разящий французским одеколоном штурман оглядывает горизонт.

И пошло-поехало.

И топчись оно всё конем.

Так провожают пароходы.

Какие на хрен поезда...

Южно-Китайское море, 2008 г.

О MORE MORE

Юрку Слоника вспоминая...

Где мы только не были!

Куда нас только не посылали!

Да чтоб этих пьяных рыбачков! Чуть не отполовинили нам всё по самое не хочу. Едва успели вывернуться, притопив всё своё забортное барахло на предельную глубину. У нас за кормой почти десять километров плавучего кабеля, а они залили шары и прут, хоть из пушки пали.

Кстати, когда работали на юго-восточном шельфе – а порядки у них там строгие – наша охрана действительно палила из пушек по всяким олухам, лезущим нам поперёк курса. А сейчас мы в Охотском море, и вместо пушки у нас только ракетница, а хорошо бы ракетную установку.

Не знаю, как сейчас, а в былые времена такие пьяные пароходы встречались. Только не надо поднимать по этому поводу пустой звон: конечно, в море ходят не Красные Шапочки, но и поливать всех, не зная темы, нечего.

Обычно жлобы, солёной воды не хлебавшие, любят порассуждать о повальном пьянстве и разгильдяйстве на море. А в ответ им всякие дуболомы-помполиты и иже с ними, увешанные с макушки до яиц блестящими крабами и якорями, наоборот, встают в позу, строя из себя бледно-розовых девственниц.

Как будто речь идет о них. Ну их всех!

У нас речь о тех морских бродягах, что на своих судёнышках тралят моря и океаны по несколько месяцев без перерыва, не видя берега даже в подзорную трубу. Тралят в поисках трески или нефти – это уже кому как досталось. Тянутся вахта за вахтой, танкера подвозят горючку, воду, жратву, и только по крестикам на стенном календаре из Плейбоя можно отличить один день от другого.

Вот читаете эти строки в своем офисе, а представьте, что домой вам из него только через 90 дней, и спать вы будете тут же, у своего комка на раскладушке, и три месяца одни и те же рожи за соседними столами, да к тому же баб не будет вообще. Только в интернете. На *удаффе*. Какой там полет на Марс.

Вот морячку после вахты и снится всякое. И сколько ни тягай железо в спортзале, ни бегай по вертолётке, а всё равно просыпаешься с перпендикуляром, упёртым в потолок. И сбить этот накал традиционными средствами невозможно – ну нету баб на пароходе. А нетрадиционные в море как-то не прижились. Остается одно – накатить грамм пятьсот шнапсу и забыться хоть на пару часов.

Вообще мужики по-настоящему пьют в двух случаях: когда баба очень долго слишком далеко или когда баба очень близко, но слишком долго. И то, и другое утомляет.

Тут некоторые из европ гнали мелкую волну на восток. Так что им гундосить: утром перелез через бабу, до вечера на своей барже поелозил вдоль берега, а вечером опять рожей бабе в грудь, да ещё пивка бутылочку с собой прихватил. Так что не будем.

А на встреченном нами «рыбачке» бродяги, очевидно, через месяц-другой своей рыбалки для релаксации организмов поставили где-нибудь в теплом местечке брагу, а если были мастера, так и самогоночки сделали. А как все поспело, поставили машину на малый ход, заложили поворот несколько градусов и спустились все в кают-компанию на процедуры.

А пароход топает себе морем-океаном по кругу того ещё диаметра. Пока брага не кончится.

Брагу, кстати, из чего только не делают! Можно просто сахар да дрожжи, а можно даже из томатной пасты и прочей подобной бодяги.

Как-то иду по пароходу, а мужики сидят, сок апельсиновый натурально из пакета наяривают. А жара шо мама не горюй: экватор. Ну они мне наливают стакашку: охолонь, мол, маленько. Я опрокинул – хорошо холодненького. Шагов десять отошел – хрясь по башке, аж забыл, куда шёл. Что за фигня такая! Я обратно, они мне ещё стаканчик – и все. Хорошо, вахта подошла к концу.

А мимо мужиков с апельсиновым соком, кстати, ходят всякие мерикосы, и ни в одну их мерикосскую голову не приходит, что среди бела дня на главной палубе их мерикосского парохода в условиях строгой антиалкогольной политики компании русские нагло упиваются брагой. Да и что такое брага они вряд ли представляют.

Хотя борются с алкоголем што аж смотреть больно. Мериканский капитан лично вещички каждого прибывшего досматривал: типа, водка-наркотики есть? Ага, шас, прямо разбежались. Наши архимеды перед прибытием на пароход банально переливали водку или там спирт в бутылки из-под минеральной воды, и мерикосских мозгов открыть бутылку и понюхать содержимое натурально не хватало. Чукчи отдыхают.

Мерикос задолбал, кстати, своими правилами.

Например, ходить по пароходу только в кроссовках. Ёпт, градусник закипает, а ты в кроссовках. Ну наши, конечно, по возможности игнорируют эту бредятину, но без экстремизму. А мерикос как увидит где нашего без кроссовок, так тут же в Москву в контору донос: мазафака! русские подрывают безопасность судоходства и мореплавания! я главный или где! И прочую хрень.

Ну из конторы позвонят, типа – достали. Но без конкретики, кто кого.

Тут как-то выходит утречком, пока не так палит, наш электронщик Лаврентич на вертолётку позагорать. Естественно, загорать он идет в сандалиях на босу ногу: пройти-то от каюты метров двадцать. И тут из-за угла нос к носу главный мерикос.

Сначала немая сцена из Чарли Чаплина: мерикос, худой как велосипед, под два метра росту, в здоровой белой фуражке с золотым крабом, – и Лаврентич, вместе с сандалиями и желтой, в цветочек панаме мерикосу аккурат до бляхи на ремне.

Первым ожил мерикос и давай на Лаврентича мазафаки наваливать сверху. Ну а тот: яволь, ваше превосходительство, виноват, исправлюсь. Мирикос минут пять свои мазафаки орал и побежал очередную кляузу в Москву писать.

А Лаврентич на вертолётке с полчаса покемарил и по заведённой моде пошёл к пожарному гидранту ополоснуться морской водичкой для пользы организма. Идти метров десять. И пошёл он, естественно, босой, чтоб сандалеты свои солёной водой не портить. Не успел и полпути пройти – хрясь, мерикос из-за угла.

Опять театральная пауза. У мерикоса глаза, как у рака, на выкате, губами, как рыба, воздух хлебает, мазафаки в горле застряли. А Лаврентич молча с ноги на ногу пританцовывает: палуба горячая што я не могу.

Мерикос из ступора вышел – и бегом емейлить в Москву, что этот мазафака Лаврентич демонстративно подрывает авторитет мерикосского капитана, цинично игнорирует его указания, правила и инструкции по безопасности мореплавания, и мазафака, и факамаза.

Короче, через неделю списали на берег. Не, ни Лаврентича. Мерикоса. Не знаю почему.

И приехал новый мерикос – не поверите! – маленький и толстый. Очевидно, у них только двух видов бывают. И не то чтоб уж очень толстый, но какой-то опухше-отёчный, шарового цвета. Ходит – задыхается, таблетки содовой запивает.

Через пару дней приходит он к судовому врачу, нашему, архангелогородцу, за таблетками-порошками. Док на него посмотрел и назначил курс лечения – в топку! В топку все его мерикосские фастфуды, гамбургеры и прочую генно-модифицированную пестицидно-гербицидную дрянь, которую он килограммами ежедневно пожирал.

И прописал ему борщ, окрошку, кашу, картошку в мундире с селёдкой. Короче, пересест в столовой за наш стол к русскому повару. И без самолечения.

Ну, мерикосы дисциплинированные до одурения: раз доктор прописал – закон. А к концу рейса свеженький как огурчик мерикос, спустивши в унитаз все свои мерикосские пилюли, как муфлон. носился по утрам на ежедневной пробежке. И, уезжая с парохода, пошел к нашему

повару и записал для своей мерикосской скво рецепт самого лучшего в мире украинского борща.

Между прочим, как утверждала моя прабабка, борщ – абсолютно вегетарианское блюдо. Во всяком случае, селянки с рек Рось и Тясмин по будням варили борщ без мяса. Только овощи и за жарка на растительном масле.

А вот уже на выходные в хатах варили мясное блюдо, чем-то близкое к борщу, и называлось оно «капуста». «Капусту» готовили и при всяких коллективных мероприятиях, как то: замес самана, копание погреба или колодца – потому что после тяжёлой работы под эту самую «капусту» самогон шел на ура.

Хотя, конечно, самогон идет на ура подо что угодно, и даже сам по себе.

И, кстати, рыбачки, встреченные нами давеча у северного Сахалина, разносолов к своему самогону уж точно не готовили. Так, чисто символически, только занюхать. Да и о каких гастрономических изысках можно говорить, если всё провоняло рыбой, просто до одури, даже перемороженная говядина 1961 года из закровов родины.

А мы после столь недружественной встречи с загулявшим сейнером решили рвануть в порт подлечить разболтавшуюся нервную систему, да и пора было пополнить наши скудные запасы.

Мы уже мечтали о прелестях цивилизации, как из конторы сказали: «Нате-ка, выкусите. Заходите в ближайший порт. И никаких там чтоб. Вот».

Братва, хлопцы, товарищи!

Это ж, значит, прощай, знойный Магадан?

И где-то там, за проливом, накрылось медным тазом легендарное Ванино?

И что же нам, бедолагам, остаётся?

Москальво. Зараза, так попали! Это на самом северо-западе Сахалина небольшой газ-промовский порт с причалом на несколько кораблей, но больше-то там ни фиги нет. Ни кабаков, ни борделей, ни даже занюханного Дома культуры с кружком бальных танцев.

Нервная система, рассыпаясь, дзынькнула о палубу, и ошметки разметало кильватерной струёй.

Рано утром пароход входил в морские ворота северного Сахалина. Только стали к стенке, самые шепутные и особо любознательные рванули рабочим поездом в Оху.

«Оху ли не любить!» - таким благозвучным для русского уха лозунгом встречала северная столица приезжих (word рекомендует писать *Охули* слитно!).

Я к путешествиям и экскурсиям равнодушен, а потому на землю обетованную ступил только ближе к обеду. Вышел на пару с приятелем Юрой Слоником на поиски возможных признаков цивилизации.

Несмотря на яркое солнце и теплую погоду, унылое зрелище предстало пред нашими очами.

Серые деревянные дома, иногда просто бараки, расположенные строго в беспорядке. Улиц как таковых просто не было. Растительности тоже почти никакой – все засыпано желтым песком. Прямо Средняя Азия какая-то, а не северный Сахалин.

Пропетляв минут десять, мы набрали в центре поселка на опять же деревянный домишко с вывеской. Замка не было.

В теремочке жила-была бабулька, хозяйка-распорядительница универсама на все случаи жизни. Ну, у нас случай был только один для начала.

На одной из полок этого небольшого, но уютного магазинчика теснилась целая толпа бутылок разного калибра, формы и цвета. Начиная с армянского коньяка и далее по ранжиру: водка, шампань, марочные вина, сухонькое, портвейн. Заканчивалась полочка, как и водится, вечно живым «Агдамом», не к ночи будь помянут.

Пока я в растерянности оглядывал это изобилие, Юра высмотрел что-то знакомое.

- Вот, – говорит, – чудное вино «Лидия». Я студентом в Крыму хорошо его попил.
- Ладно, – отвечаю, – вопросов нет. Давай знакомиться с барышней поближе.

Устроились за высоким столиком, что стоял у окна рядом с входной дверью. Взяли для пробы пару бутылочек «Лидии», да ещё разорились по семь копеек на изящные гранёные стаканчики.

Вино и правда оказалось неплохим, тем более в такую жару. И оно действительно оказалось крымского разлива.

Слоник с разрешения хозяйки запалил свою неизменную беломорину. День заиграл новыми красками.

Юра Слоник, кстати, своим «Беломором» достал весь пароход.

Слоник он потому, что при своих габаритах – 180 см высоты, почти столько же ширины и далеко за сто кг – имел привычку беспрерывно топтаться на месте.

А достал, потому что четыре раза тушили его вместе с его «Беломором» прямо на шконке в каюте.

И закончилось всё довольно печально, согласно присказке «рождённый стореть утонуть не может». Через несколько лет Юра уехал на Камчатку, где в полевой партии сторел прямо в палатке. Минздрав предупреждал.

А пока мы со Слоником хлебаем легкое вино и строим планы на будущее.

– А что, – спрашиваю вежливо, – мамаша, невесты в вашем городе есть?

Она с классикой была явно не знакома:

– Какие невесты, что ты. У нас тут молодежи-то совсем нет.

– Да... Ну а одинокие солдатки, тоскующие по твердой мужской руке, есть?

– Солдатки-то есть, – говорит, – да вот только тоску свою они сильно заливают самогонкой. Прямо спасу нет.

Ну мы все же выпросили адресок ближайшей Люды, взяли еще пару бутылочек, мишки на севере в кулёчке и двинули.

Через пару домов нашли домик, где резной палисад, вежливо постучали. Потом еще. Потом уже и невежливо. Потом дверь открыла Люда.

Мы оба-два сразу решили, что столько водки нам не выпить. И двинули обратно от Люды к Лиде.

Хозяйку магазина наше скорое возвращение не удивило. Мы опять расположились за столиком.

– Ладно, – говорю, – раз такой расклад выпал, скажите, мамаша, можем ли мы купить у вас ящичек вот этой самой доступной в вашей округе барышни с чудным именем «Лидия»?

– Конечно, – отвечает, – очень даже можно.

– А если два ящичка? – продолжаю беседу.

– Нет, – говорит, – два уже нельзя. Их всего два было. Вы первые покупатели этого вина за полгода, так что четырех бутылок уже не хватает.

– Вот и чудно! Возьмём всё, что осталось. С ящиками за отдельную плату.

Пока проходила коммерческая сделка, осмотрел полки магазина в поисках чего-нибудь интересного.

Есть! Среди дюжины винилового хлама не знаю как сюда попавшая Билли Холидей.

Я дурею – где Москальво и где Билли.

И еще среди пары десятков изрядно запылившихся книжек высмотрел «Марию Стюарт». Её сюда, наверное, этапом прямо из Тауэра доставили, не иначе. А то б какого ей здесь делать.

Вообще это отдельная тема – ассортимент товаров во всяких там сельпо, разбросанных по медвежьим углам наших просторов. Всё ведь не просто так: был ведь госплан, госснаб, госстат и прочая, и прочая, где всё считали, делили и распределяли.

Одно лето колесил я по калмыцким степям и барханам, между делом гоняя сайгаков и воруя арбузы на бахчах. И как-то вырулил на оазис в пять домиков в буйной зелени, который даже на двухкилометровой карте не имел названия.

А в центре этого мегаполиса обнаружил магазин, что поразительно – работающий. В сорокаградусную жару просто в тень зайти приятно, а тут ещё и приобщиться к плодам цивилизации можно.

Короче, купил я у калмычки ящик кофейного ликёра московского разлива и двадцатиренегознаетсколькотомник Ч. Диккенса.

Кто-то может подумать: на фиг среди этих барханов и баранов Диккенс? А уж про кофейный ликёр я вообще молчу.

Я был, очевидно, первым и последним покупателем как ликера, так и английского классика. Напиток, кстати, был неплохой, а Диккенс вон в шкафу парится.

А то ещё выпало мне как-то топтать по печорским лесам в деревню к косякам за водкой. Недалеко. За день должен обернуться.

Абрис мне на бумажке нарисовали, так что добрался благополучно.

И сразу же набрёл на магазин. Только на двери замок огромный.

Пошел я по деревне искать продавца или там завмага.

Бляха-муха! Трезвыми в деревне были только собаки.

Путём длительного перекрёстного допроса граждан и ряда очных ставок через полчаса мне всё-таки удалось найти избу продавщицы. Только она бухая в дым, самогоном в нос шибает, что твой нашатырь.

В общем, идти на рабочее место она отказалась наотрез. Ничего себе! Сюда шел четыре часа, обратно пилить не меньше, а там ещё народ ожидает – они таких шуток не понимают.

Сошлись на том, что за её хлопоты я презентую ей бутылку водки. В магазине кое-как провели процедуру купли-продажи, она, зараза, ни деньги, ни водку посчитать не может, просто ужась какая-то. Ладно.

Набил рюкзак водярой. Перед дорогой присел на скамейку в магазине, осмотрелся – ёпт?! Стоит коньяк со звёздами на полке, рядом «Плиски» золотая.

Какой чудак додумался в край угрюмого самогона завести такие изыски? Не удержался, хоть и тяжело будет тащить, купил бутылочку «Плиски».

И вдобавок надывал двухтомник Маяковского, под весы подложенный. Его-то за каким сюда занесло? Не бросать же албанского первонаха на съедение мышам.

Зато устрою себе белой ночью у костра литературное кафе. Как он там: «звон свой спрятать в мягкое, женское...»

Хорошо! И в предвкушении встречи с прекрасным двинул обратно.

Ну и нам со Слоником пора было возвращаться на пароход. Так по песчаному бездорожью и маршируем всей толпой: мы с Юрой, «Лидия» в двух ящиках, Билли на виле, ну и Мария, конечно, не бросать же горемычную в краю вечной каторги.

Вечер на пароходе был полон лирики и чувств. В кают-компании нас было четверо.

Мы с Юрой Слоником охаживали блондинку «Лидию», а шоколадка Билли Холидей что-то ворковала своим бархатным голосом, не чураясь даже исполнения на бис для двух корешей с далёкого острова.

Следующий день решили посвятить активному образу жизни: пойти на пляж. Лишнего решили не брать, только в авоське пляжные принадлежности – шесть бутылок.

Конечно, пить в такую жару лучше что-нибудь легкое и прохладное. Но в наших условиях не до эстетства, а вот на своём юге частенько балуюсь всякими весёлыми штучками.

Можно, например, пару бутылок сухого красного вина смешать с лимонным тоником (пол-литра), добавить туда же нарезанные кружочками апельсин и лимон, а при желании и персик или яблоко. Если хотите, слегка подсластить.

И всё это на пару часов в холодильник. Ну а потом в стакан можно и пару кубиков льда добавить.

А пляж здесь, доложу я вам, просто сказочный. Такой чудный жёлтый песок, да ещё в таком количестве можно увидеть только где-нибудь на Барбадосе. И дно пологое, метров сорок спокойно можно пройти. Да только все эти прелести здесь никому не нужны.

И всё бы хорошо, да вот только солнце жарит вусмерть. А тут ни деревца, ни кустика, я уж не говорю о навесе или зонтике от солнца. Короче, пока мы со Слонином охаживали «Лидию», да ещё приснули немного, к вечеру пришёл нам каюк.

Сгорели в хлам. Ночью ни лечь, ни сесть. Выпросили у повара кефира и сметаны, вымазались как два идиота, да так стоя и провели всю ночь.

А на следующий день – прощай, Москальво, – пароход пошёл на работу. Ну и мы с Юрой, прямо папуасы, в набедренных повязках шарахаемся по пароходу, налаживаем своё электрическое барахло и выпускаем в море.

Пароход тем временем вышел из пролива и направился на юго-запад Охотского моря. И тут случился природный катаклизм, нередкий в этих северо-восточных краях.

Прямо по курсу – стена тумана. Ну нам-то что, туман и туман. Гудим в гудок и прём себе полным ходом.

И тут тебе – хрясь носом в лед со всей дури. Под туманом, оказывается, пригрелось целое поле льда, да причём хорошего.

Вот те на, только что вот рядом на солнце погорели, а тут льды, градусник к нулю пошёл, народ влез в телогрейки.

Пароходу-то нашему эти льды до фени, ледакол всё-таки. А вот аппаратуре, что за кормой тащилась, не до смеху.

Народ на корме суетится, из-под льда концы вытаскивая. Только мы со Слонином прибалдели. В этой неожиданной прохладе, почти холоде, наша покрытая волдырями и начинающая страшно чесаться кожа довела нас до состояния почти эротического экстаза.

Мужики матерятся, норовят в каюты смыться погреться, а мы, наоборот, готовы ночевать прямо на палубе.

Пароход тем временем выбрался на чистую воду.

В ожидании у моря погоды, а точнее ветра, способного угнать к чертям собачьим этот лёд из района наших работ, бросили якорь у Шантарских островов и засели за преферанс, долгий, как полярная ночь.

Но это уже другая история.

Карское море, 2008 г.

КРАСНАЯ РЕКА

Пошла нефть. Даже мы одурели. А аборигены и подавно. Раньше у них, кроме бананов и кокосов, ни хрена не было, и вдруг такой джекпот. Их главный, не веря своему счастью, захотел лично посмотреть, да только вопрос: на чём ехать? По такому случаю на пироге под парусом стрёмно, а что делать? Вот и сняли нас с нашего белого парохода дня на три пожить на берегу, пока экскурсия до буровой прокатится.

Понятное дело, нам на земле провести несколько дней только дай. Тем более по такому, без базара важному поводу селят нас в лучший отель города – «Красная река». У них, кстати, везде всё самое козырное именуют «Красная река», не знаю почему.

Разместились, осмотрелись – всё в масть. Кондишин дует, холодильник работает, кровать как вертолётная площадка на пароходе.

Метнулись первым делом в кабак, а там облом: во-первых, напитки только местные, а их пить, сука, только по приговору суда. Во-вторых, кабак хоть и большой, но открытый, в смысле днём жара, как в бане по-чёрному, – белому человеку водки не попить

В любом случае до вечера ещё далеко, надо чем-то заняться.

Разбрелись по ближайшим улочкам в поисках чего-нибудь годного для потребления.

Захожу в сувенирный магазинчик в соседнем отеле: солома всякая, ракушки – короче, сельпо. Гляжу: на зеркальной полочке за прилавком бутылка симпатичная. Присмотрелся: ё-моё! Водка то ли польская, то ли чешская, по рупь двадцать долларами. Достая двадцатку – гулять так гулять! Но небольшой облом: девица притащила пузырей семь – больше нет. Сложил всё в купленную тут же корзину – и с добычей в отель.

По дороге встречаю знакомого, работает тут, на земле. Он увидел мою поклажу, пристал:

– Давай меняться. Тут по случаю бутылка вина сухого оказалась, но я ж с Урюпинска, пью только водку. Ты южный человек, любитель всякого брюта, махнем.

– Ладно, – говорю.

Зашли к нему, он достаёт бутылку Саперави – выдержанного красного грузинского. Поменялись. Я ещё заскочил в лавчонку по дороге, прикупил фруктов к водочке на десерт: лимончиков, маленьких, кругленьких, словно шарики пинг-понговские; желто-зеленое манго, что во рту просто тает (на мой вкус, лучший фрукт в мире), связку маленьких сладких и душистых бананчиков, не чета нашим а-ля минет. Теперь всё это вместе с водочкой заложить в холодильник и через час можно будет начинать застолье.

А пока все эти прелести вместе с водкой остывают от южного пекла, позвольте пару слов о вине. Я не эстет и не гурман, просто живу на юге. И каждое лето просто дурею, глядя на толпы северян и прочих москвичей, приехавших за тысячи километров на юга тупо жрать водяру до потери пульса, словно у них там двенадцать месяцев в году засуха.

Граждане отдыхающие! Леди и джентльмены! На юге надо пить вино и заниматься любовью! И оба эти занятия как никакие другие на солнечном юге сочетаются и взаимно дополняются. А водка на фоне этих двух изысков просто ахтунг какой-то, бьёт разом и по башке, и по яйцам, лишая вас возможности ощутить тонкий аромат и терпкий вкус красного вина и розовой плоти.

А представьте себе свежее солнечное утро. Вы на веранде с видом на море или горы. На столе бутылочка «Мерло Мысхако» урожая 2005 года. Рядом на тарелочке крупными долями порезаны мясистые жёлтые или розовые кубанские помидоры, белые ломтики нежного осетинского сыра сулугуни, несколько веточек зелени.

Вы, в лёгком недосыпе, вместе со своей юной прелестницей прихлёбываете чудное красное вино, и после одного-двух бокалов целительной влаги её слегка припухшие губки и ваша слегка поцарапанная спина являются отличным предлогом задержаться ещё на часок на ещё не остывших простынях....

Или тёплым звёздным вечером лёгкий бриз обдувает только что откупоренную бутылочку Шато ле Гран Восток «Кюве Карсов» урожая всё того же 2005 года, стоящую на вашем столике в окружении гронки свежесрезанного янтарного таманского винограда, нескольких пушистых геленджикских персиков, плитки строгого московского шоколада.

А алые губки дамы вашего сердца так свежи и манящи после пары глотков изысканного напитка! И озорные искорки, вспыхивая в искрящемся красном винном бокале и в её чёрных, как ночь, глазах, призывают вас быть посмелее. Ещё пару глотков – и лёгкая туфелька как бы случайно спадает с её загорелой ножки, и изящные пальчики в гламурном педикюре тянутся в вашу сторону...

Или на закате прямо на берегу моря зажарить незамысловатый шашлычок из порезанных кружочками синих баклажанов, красных помидоров и золотистого лука и вместе с бокалом тёмно-красного Каберне Совиньон «Крю Лермонт» предложить его синеокой русалке. И когда

её остренькие зубки хищно вопьются в сочную, с дымком мякоть, не теряя времени подсекайте, и ваш улов в эту ночь сторицей компенсирует ваши хлопоты.

И будете вы вспоминать долгой полярной ночью этот жаркий юг, его сочные фрукты, его терпкие вина, его сочных и терпких женщин, потому что будете всё помнить и вам будет что вспоминать.

Я же меж тем в далёкой Юго-Восточной Азии, кишашей малярийными комарами, гонконгским триппером и прочими подобными прелестями, вынужден жрать водку, хорошо хоть европейского разлива.

Может, часа и не прошло, но чего ждать. Раскупорили мы с корешом бутылочку славянской и под папайю, что Малыш принёс, с лимончиком неспешно так размялись. И, не тормозя, и вторую.

С Малышом вообще затормозить сложно. У него два метра и за сто кг, к тому же из столицы. Ему одному эти два пузыря на завтрак, а тут ещё я. Ну хотя бы жажду утолили, и вроде как вечереет уже, можно выбираться на свежий воздух. В смысле пора в кабак. Прихватили с собой охлаждённую бутылочку – и вперёд.

Кабачок, надо сказать, выглядел симпатично: посредине большой фонтан с рыбами типа карпа, в которых тыкаешь пальцем и ждёшь, пока пожарят, а вокруг в два этажа столики, кстати уже почти все занятые, в основном аборигенами. Ну и лианы там всякие, пальмы-фикусы.

Расположились на балконе. Во-первых, ветерок обдувает, во-вторых, до номера поближе, пить-то своё будем, чтобы ближе ходить. Попытались разобраться в меню. Но, уже имея печальный опыт, когда заказанный «зелёный салат» – это просто веточка травы на тарелке, «русский салат» – это что-то типа оливье хрен знает из чего приготовленного, а порционный жареный цыплёнок оказывается огромной курицей килограмма на два на каждого, бросили это утомительное занятие.

Осмотрели столики внизу и заметили у нескольких посетителей оригинальное устройство типа самовар: две здоровые жаровни одна над другой, а посередине труба, в которой угли или дрова, короче, дымит что-то. Что там парится-жарится, не видно, но красиво. Позвали халдея местного, тыкнули пальцем, мол, такой же агрегат с трубой и нам, название не выговоришь, тем более не запомнишь. Ну и tomato, и lemon-juice со льдом.

Пока саможар раскошегарили, мы накатили по соточке из нашей бутылки под ихний джус. А тут и заказ подоспел. Пахнет вроде прилично, стали пробовать.

На нижней жаровне всё понятно: рис вареный-пареный греется. А вот на верхней какое-то морское ассорти, сразу всё и не угадаешь. Ну креветки, кусочки кальмара и осьминога разобрать нетрудно, а вот об остальном можно только догадываться. Видно, что морепродукты, моллюски какие-то, но что конкретно – не понять.

Всё это жарено-тушеное со специями шкворчит и булькает на горячей жаровне. Короче говоря, под такую смачную закуску мы нашу бутылочку доужинали.

Сидим отдыхаем, джус потягиваем, размышляем, чем бы ещё заняться.

Тут как раз за соседний столик присаживаются три девахи европейской наружности. Прислушались: по-немецки балакают.

Пинаю Малыша:

– Ты, блин, у нас полиглот, с англичанкой спишь, в смысле учительницей английского, пошли налаживать международные отношения. Я по-немецки только «гитлер капут» и «хенде хох» знаю; вторая фраза может и пригодиться, но не сразу. Так что давай, заводи.

Ну а Малыша долго уговаривать не надо: ему что поесть-попить, что до девок – только дай. Я за ним к фройляйн за соседний столик. Малыш молотит без перерыва не поймёшь на каком языке: английский, русский, немецкий – всё вперемежку. Но, главное, те вроде как понимают и даже, оказывается, по-русски немного говорят.

Пора идти на сближение, но не водкой же их поить. Тут вспомнил кстати подвернувшуюся бутылку сухого, слетал в номер за вином, прихватив из стратегических запасов ещё и шоколадку.

Девки смеются, вроде как и не против распить разгонную. Засылаем официанта за стаканами и, главное, за штопором, бутылка-то настоящей пробкой закупорена.

В ожидании засланца гретхен начинают кормиться шоколадом, Малыш соловьём заливается, полиглот-затейник, и тут наступает цугцванг.

Подсаживают три фрица. Фройляйн прыг к ним на колени. Наша бутылка у немцев. Вот-вот принесут штопор. А камасутрой сегодня, похоже, займутся другие.

Вот и штопор. И довольный ганс сейчас вспорет бутылку, как лоханку в гамбургском борделе.

Копать-не перекопать! Мои нервы не выдерживают такой наглости. Я выхватываю у фрица свой пузырь и со словами что-то типа «хенде хох – получи, фашист, гранату» мечу его куда-то в направлении фонтана.

Штанга! Вот и оттянулись. У немцев немая сцена, а я волоку Малыша из этого вертепа.

Вышли из кабака, настроение, естественно, на нуле. Перекурили это дело и двинули к себе в холодильник.

И тут фортуна поворачивается к нам всем сразу: в холле гостиницы девок немерено, и все наши родные, отечественного, как говорится, производителя. Так мы же и есть эти самые производители. Настроение сразу поднялось, да и всё поднялось.

Подрулили к небольшой стайке, завязали разговор. Оказывается, это туристки из Орехово или Зуево, короче ткачихи. Почти неделю они уже путешествуют по стране и вот теперь добрались до моря.

Ну мы парочку телок от стада отбили и в бар: лимонад, кофе со льдом, сладости всякие восточные.

Барышни оказались компанейские, весело рассказывают о своих впечатлениях, и тут выясняется одна пикантная подробность. Денег у них с собой было не очень, конечно, быстро кончились. А всего хочется попробовать. И стали они на базаре распродавать кто что может. Повезло тем, кто брал с собой сигареты: они тут идут на ура. А остальные кто во что горазд.

Короче, распродали наши девки всю свою косметику, вплоть до мыла и шампуня, и мучения от этого у них и физические и моральные.

Ё-мое!

– Девчонки, – говорю, – у нас в номере этого добра завались! Всё мыло и шампунь, и даже одеколон с кремом для бритья, если кому надо, в вашем полном распоряжении!

Подхватили их под белы ручки – и к нам. Понятное дело, что дамский туалет – дело долгое, поэтому, прихватив бутылку из холодильника, мы с Малышом удалились, оставив номер в полном распоряжении ударниц лёгкой промышленности.

И пошли в ближайший номер провести своих мужиков с парохода. Заходим: ба! знакомые всё лица! В гостях у наших всё та же компания фрицев со своими гретхенами, и разводят они наших на выпивку, хотя наши и сами разводятся, выпучив глаза на немецкие голые коленки.

А тут ещё нас с бутылкой угораздило. Мы на провокации не поддались и, послав всех, и наших и не наших, двинули было назад. Но тут стали невольными свидетелями последнего сражения Второй мировой войны.

В углу номера на соседних креслах сидели, нет – лежали, оба в дупель, наш предводитель и их партагеноссе. Очевидно, уже одуревшие от непарламентских дебатов по поводу международных отношений.

И тут к нашему на миг возвращается сознание, он хватается за грудки фрица и с криком: «Да мой батя вас под Смоленском!...» – начинает его трясти, как пионер яблоню ранетку.

Кино и немцы! У того конечности, как у куклы-марионетки, летают в разные стороны, башка мотыляется, как ботало у коровы на шее, но эмоций ноль.

Наконец у нашего всплеск закончился, и он падает опять в своё кресло, а немец тихо складывается в своё.

Гонг! Присудив предводителю победу по очкам, мы с Малышом двинули к себе.

Только вышли в коридор, подбегает абориген и, что-то взволновано лопоча, просит пойти за ним. Ладно.

Спускаемся вниз, он ведёт нас в массажный салон при гостинице. Заходим в приёмную: цирк уехал, а клоун остался.

Посреди зала стоит в дупель бухой наш кореш Юрок со спущенными штанами. В одной руке у него орудий «Гоп-стоп! Ты отказала в ласке мне» Sharp-555, кто помнит – ещё тот чемодан, в другой руке пачка баксов, а сексуальный террорист периодически орет лишь одно слово:

– Sausage! Sausage!

Юные массажистки в белых халатиках испугано прижались к стенкам: они бы с удовольствием заработали несколько долларов, но процесс-то требует некоторой интимности, а тут такой дуэт.

Ну мы быстренько штаны натянули, Sharp заткнули, любителя мягких игрушек под мышки – и к нему в номер.

Открыли свой пузырь водки и в несостоявшегося клиента массажного салона стакан залили – он и так был не очень, а через пару минут и совсем обмяк. Да и нам пора домой.

Открываем двери своего номера – ёпт!

Духмаан в нос – кранты нашей косметике с парфюмерией.

Проходим дальше: картина маслом.

Кто видел «Одалиску» Кустодиева, так то копия. Подлинники лежали под нашими балдахинами.

На головах полотенца тюрбанами свиты, а на загорелые прелести простынки белые наброшены, но так, что не поймёшь, то ли прикрывают что-то, то ли открывают. Мы в ступоре.

Потом срабатывает автопилот, и, выпуская шасси на бреющем, идём на вынужденную посадку на свои аэродромы. Катапультироваться поздно.

До этого я плохо ориентировался в нашей лёгкой промышленности, но часа через три знакомства поближе с ткацко-прядельным делом твердо решаю завязывать с морями и переходить мастером-наладчиком станков на ткацкую фабрику. Да такие станки можно обслуживать и в две смены, и сверхурочно.

А наши мастерицы своими натренированными на шпульках-узелках пальчиками вытворяют такое, что организм в поисках дополнительных источников энергии выпитую водяру переработал до последнего миллиграмма: в голове стерильная чистота, а тело парит где-то в космической невесомости.

Кое-как удалось ударниц-многостаночниц уговорить прерваться на ланч для полуночников. Сами добились водку, барышням фруктовый десерт.

Бл@дь! Как они ложечками едят манго, надо показывать в кабинетах по лечению импотенции. Кажется, встали даже бананы на столике.

Между тем я в поисках энергетического напитка спустился к кабаку, мимо кассы. Всё закрыто. В баре тоже.

Возвращаюсь, смотрю: в коридоре на стуле дремлет абориген, вроде дежурного на этаже.

Я к нему: достань чего-нибудь спиртного, лучше водки русской. Вроде понял. Я в номер, там ланч уже подходит к концу. Минут пять прошло – стук в дверь.

Открываю: абориген стоит с бутылкой, денег просит. Беру пузырь – блин горелый! Бутылка Саперави, что я давеча метнул в фонтан. Этикетка слегка подмокла, но в остальном всё нормально.

Как это я удачно не попал по писающему мальчику в центре фонтана! Пришлось за спасение, так сказать, утопающего дать ныряльщику в фонтаны денежек в виде призовых. Нам сейчас сухое, что вода из-под крана, ну да ладно.

И опять приземляюсь своей ткачихе под бочок ночь до утра скоротать.

Утром выбрался на балкон глотнуть свежего воздуха. Слышу: кто-то в свисток дует. Гляжу: внизу у входа стоит давешний партагеноссе и свистком, значит, своих кобыл в автобус созывает. И вид у него с чего-то серо-жёлто-помятый.

Я ему сверху:

– Гутен морген! Не хотите ли водочки принять для поправки здоровья?

Это я шучу так.

Его, беднягу, так перекосило, чуть ступени не облевал и шмыг в автобус. А наш предводитель сейчас, небось, стакан водяры засадил бы за милую душу. Да, может, уже и засадил.

Возвращаюсь в номер: наши ударницы собрались на пляж. Ну и правильно, у них же всё по расписанию. А мы с Малышом решили пока пройтись на набережную, там есть пивнушка со свежим разливным пивом местного производства. С бутылочным, конечно, не сравнить, но утром под вяленого кальмара пойдёт за милую душу.

Кстати, о пляже. У наших ночных бестий удивительно ровный загар по всему телу, ни одного белого пятнышка. Оказывается, по приезде сюда они на пляже встретили каких-то эмансипированных европейек, которые, естественно, по европейской моде загорали топлес.

Ну девахи быстро впитали в себя ростки западной культуры, причём по старинной русской традиции решили это дело довести до логического завершения и, отойдя чуть подальше, лёгким движением руки топлес превратился в полное ню.

Завидя такие ню-ни, толпы аборигенов собирались в отдалении от наших Афродит, пуская слюни и живо шурудя пальцами в карманах штанов.

Время меж тем перевалило за полдень. И мы пива попили, и девки наши с пляжа вернулись. У них там по плану какая-то экскурсия, но мы предложили им свою альтернативную по ближайшим к отелю окрестностям.

Это мы, конечно, погорячились, потому как из каждой мало-мальски приличной лавчонки их приходилось чуть ли не выкуривать. Накупили им ракушек, безделушек, бус, соломы, шляп – барахольщицы, просто *ржунимагу*.

Ну, конечно, посидели в нескольких кафешках: лапшу рисовую с курицей местной водкой запили, креветки жареные королевские и омара необъятных размеров под пиво пустили, кофе, сладости. Оттянулись по полной.

Вспоминая ночь прошедшую и думая о предстоящей, сделали соответствующие запасы выпивки и продовольствия.

Вернулись уже за полночь. Опять в ход пошёл наш шампунь и пошло-поехало. После этой пары ночей у меня ещё долго при упоминании о ткацкой фабрике или текстильной промышленности начинались эротические глюки со всякими там прялками и веретёнами.

Утром наши стахановки, сведя нашу косметику-парфюмерию к нулю, улетели домой, а мы двинули из Красной речки в порт на подошедший пароход. Там услышали весёлую историю о прошедшем круизе.

Взяли на борт министра этого с его челядью и охраной, и только вышли из порта – пошла небольшая зыбь. Нашим морякам параллельно, а этих сухопутных развезло: полный аллес капут. Лежат пластом, только в галюнах рыгочут.

Подошли к буровой. О высадке уже и речи нет. Просят хоть как-нибудь показать им их нефть. Ну на буровой репы почесали, выкатили на вертолётную площадку бочку солярки и

подожгли. Вот, говорят по радио, ваша нефть горит. Министр на фоне чёрного дыма с буровой сфотографировался и скорее обратно в порт.

А морячки наши потом целый день брошенные охраной пистолеты-автоматы по пароходу собирали.

Такая вот история. А месторождение назвали Красная река.

Карибское море, 2008 г.

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛЛАР

Вечером уходили домой. После трёх сумасшедших ночей в этом безумном городе перетряхнул карманы в поисках наличности. Ничего стоящего в результате, только горка мелких блестящих монеток, тянущая примерно на американский доллар. Дома от них толку никакого, да и в каюте всякого хлама за рейс набирается предостаточно.

Сгрёб железки в карман и двинул к трапу. Стояли прямо в городе, поэтому, особо не разбирая, через пять минут причалил в ближайшей забегаловке.

Забрался на табурет и высыпал на стойку перед барменом остатки своего золотовалютного запаса:

– Чего-нибудь выпить, пожалуйста.

Мужик в обычной для здешних питейных заведений униформе – цветная жилетка и бабочка в горошек – лишь бросив взгляд на мою россыпь далеко не золотых, выставил пару рюмашек и налил граммов по пятьдесят чего-то местного, если судить по цвету и запаху.

На раз опрокинув первый шкалик достал пачку сигарет и прикурил у молчаливого, но расторопного работника общепита.

Будто из окружающего знойного полуденного эфира на соседнем табурете материализовалась чудо-креолка убойной красоты.

Такое возможно только в двух местах – здесь и на острове Свободы.

Белое платье с золотой отделкой. Такая же лента в волосах. Глаза. Губы. Волосы. Кожа. Слов нет. Это надо видеть.

– У тебя есть пять долларов, морячок?

Подоплёка вопроса до меня дошла не сразу. Просто после вчерашнего я был немного не в форме.

– Прости, красотка. У меня нет пяти долларов.

Её длинные шоколадные пальчики, как банановые змейки, потянулись к моему второму, ещё не тронутому стаканчику.

– Может, у тебя есть три доллара, морячок?

Уловив наконец-то смысл происходящего, я, как истинный джентльмен удачи, должен бы был застрелиться, чтобы избежать позора. Но в организме сил не было даже на это. Да и револьвера, честно говоря, у меня сроду не было.

Что такое пять баксов? Та, вчерашняя, была не лучше этой и обошлась мне не менее пятидесяти долларов. И расстался я с ними без сожаления – оно того стоило. И позавчера тоже ушло примерно столько же. А эта *bella donna* сейчас мне, может, и ни к чему, но не помочь такой девочке – просто свинство.

– Мне очень жаль, но у меня нет и трёх долларов.

Поиграв стаканчиком, она оставила его в покое, но потянулась за сигаретой. Немного-словный бармен живо щёлкнул зажигалкой и снова превратился в скульптурное приложение барной стойки.

В другой раз при таком раскладе и такой девочке я бы, наверное, рванул на пароход, нарыл в чемодане пресс, в нём кредитку. Потом метался бы по набережной в поисках бан-

комата. Потом менял бы сотенные на ходовые помельче. Потом начал бы сорить деньгами. Потом... Потом заломило в висках от таких суматошных мыслей.

Соседка как-то не по-настоящему закурила, пыхнув дымом в мою сторону.

– А может, у тебя есть один доллар?

– Нет! – отрезал я и, осушив второй стаканчик, двинул к выходу.

И тут она схватила меня за руку и молча потянула на улицу.

Оказавшись на набережной, мы тут же нырнули в какую-то подворотню. Ещё пару минут петляли по лабиринту грязных серых стен и обшарпанных дверей, пока моя спутница не открыла одну из них. Мы втиснулись в маленькую комнату, стены которой были обильно увешаны цветными картинками из журналов. Окон не было, зато была деревянная кровать, вернее топчан, накрытый покрывалом с большими красными цветами.

Колдовские ритуалы Вуду и первобытные пляски охотников Амазонки, карнавальная самба-румба с зауспокойным гаспелом, садо-мазо с изысканной нежностью востока. Кока без колы, виски без содовой, инь и ян в одном флаконе.

Как мартовский кот после недельного загула, вывалился я из подворотни, этой чёрной дыры экстаза, на приморскую мостовую.

Моя голова была почти так же пуста, как и мои карманы. И лишь одна мыслишка стучала в висок. Перебираясь на пароход, зывал я к Нептуну, Посейдону и прочим водяным авторитетам – уберечь меня от всякой заморской нечисти. Потому как случившийся эротический экспромт явно застал меня врасплох, и из всего многообразия резинотехнических изделий у меня при себе оказались только вьетнамские шлёпанцы.

И я был услышан. Через несколько дней посреди океана-моря я обнаружил стайку заморских зверушек с затейливым русским названием. А после двух сеансов омовения чистейшим сепарированным соляром для судового дизеля я был готов к встрече с родным берегом и духовно, и физически.

Теперь, на склоне лет, когда тащусь в булочную и перебираю мелочь в кармане, я иногда вспоминаю тот последний доллар. Вот только, к сожалению, креолки и мулатки в нашу булочную что-то давно не заходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.